

Константин Кузнецов
Путешествие гнева

Издательство «Написано пером»

Константин Кузнецов

Путешествие гнева

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6609739

*К.Кузнецов Путешествие гнева: Фантастика: ООО «Написано пером»; СПб; 2013
ISBN 978-5-00071-016-6*

Аннотация

Там, где миром правит пар и сотни механикусов трудятся во славу Верхушки, нет места добру. Великая машина прогресса неумолимо набирает обороты, и только обычный ученик виртуоза сумеет избежать стальных лап ужасной системы, вырваться за ее пределы и насладиться свободой далеких островов, где существует неведомая магия. Эта история именно о нем – юном адепте, который решил бросить вызов собственной судьбе.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	25
Глава 5	32
Глава 6	39
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Константин Кузнецов

Путешествие гнева

Глава 1

Крах ста сорока семи инчей

Поправив свой выцветший и весьма потрепанный от времени цилиндр, виртуоз Босвел заметно просветлел лицом. Долгие инчи¹ он трудился над своим изобретением, лелея в мечтах тот день, когда сможет разрезать презентационную ленту и представить своим заносчивым коллегам по Цеху механикусов сложную машинерию, при виде которой они завистливо ахнут и похлопают его по плечу, в знак наивысшего почтения.

Я, конечно же, старательно помогал ему, но существенно приблизить такой знаменательный день был не в силах. Работа то и дело срывалась. Виртуоз устраивал длительные перерывы, запирался в своей лаборатории и по несколько дней не выходил оттуда, заставляя меня порядком нервничать и теряться в догадках. Его жена, многоуважаемая Сиз Босвел, тоже была не в восторге от поведения мужа, но поделаться с этим ничего не могла. Гений должен искать Искру – богиню вдохновения. А делать это лучше подальше от посторонних глаз, чужих советов и всяческих раздражающих факторов. Именно с этим было связано последнее исчезновение виртуоза. Ничего не объясняя, он закрылся в своем кабинете, расположенном в нижнем ярусе дома, – и был таков.

Последняя пауза перед очередным инчем затянулась на долгую неделю. Не скрою – я уже всерьез стал подумывать о смене наставника, но в последний момент передумал: слишком жалко стало потраченного понапрасну времени. Тем более что машинерия уже приобрела вполне законченный вид. И хотя я слабо разбирался в сложной внутренней конструкции шестеренок, насосов, конденсаторов и проводов, мое лурийское чутье было не обмануть – работа подходила к концу.

Мне сразу вспомнились те времена, когда металлический каркас изобретения был всего лишь бездушным скелетом, не имеющим ничего общего с тем сложным и многогранным организмом, который ухитрился соорудить Босвел. Постепенно, с головой окунувшись в кропотливую работу – не без моей помощи, – виртуоз создал настоящий шедевр, скрытый от завистников темной непроницаемой тканью. Ореол тайны окружал машинерию долгие три года, и даже миссис Босвел не знала, какую еще финтифлюху сотворил ее благоверный. Да, именно так она любила выражаться, одним емким словом описывая многочисленные изобретения виртуоза.

Присев рядом с механической громадиной, я ловко расчертил на песочной поверхности временные отрезки, в которые мы трудились над творением моего господина, и у меня получилась ужасающая цифра – сто сорок семь. Не пятьдесят, не даже сто, а гораздо больше. Великий Икар! Да за такое время я уже должен был стать как минимум докой, а не оставаться жалким адептом. На ум незамедлительно пришел мой приятель Хрум, который обучался у маэстро Пима. За два года мой ровесник вырос до знатока. После такого стремительного полета он быстро задрал нос и теперь, встречая меня на рынке, даже не протягивал руки, воображая себя великим гением машинерии. Но я-то отлично знал, что такому пройдохе, как Хрум, никогда не стать членом палаты Искусликов. Кишка у него тонка.

¹ Инчи – отрезок времени, в момент которого происходит работа над открытием

Следом в памяти возникли живые картинки тех беззаботных дней, когда мы мальчишками воровали яблоки в саду старого Хлифа. Тогда мы еще не знали, куда нас распределят, и Хрум был обычным сорванцом, который часто плакал и до жути боялся драчливых сверстников.

Эх, времена и вправду изменились – я остался таким же неумехой, а мои бывшие друзья умудрились сделать удачный шаг в будущее...

– Нашел, милостивая Эверика! Нашел!

Увидеть господина в исподнем и при свете полной луны стало для меня настоящей неожиданностью. Размахивая какими-то чертежами, он быстро спустился по ступеням дома и стал стремительно приближаться к своему механическому детищу. Тонкие ножки в огромных до колен сине-белых гольфах быстро засеменяли по каменной тропинке. Седая борода с двумя кисточками на конце то появлялась, то пропадала в ворохе масштабных схем.

Приблизившись ко мне, виртуоз поздоровался, приподняв цилиндр, который, как оказалось, он не снимал даже во время сна.

– Мой милостивый адепт Сти. Вы не представляете, насколько я рад видеть вас здесь и сейчас. Вы тоже ни на минуту не могли выкинуть из головы нашу малышку, не так ли? – улыбнувшись во весь рот, господин осторожно погладил торчащий из-под ткани металлический бок машинерии.

Мне не хотелось расстраивать старика и рассказывать ему о своем ужасном десятидневном безделье, поэтому я утвердительно кивнул в ответ.

– Я так и знал! И вот что я вам скажу на это: вы не зря мучили себя ночными бдениями. Вы первый, кто узнает замечательную новость...

Наивность наставника порой просто убивала мой молодой разум, нещадно разрывая его на куски. Ну как он так слепо может верить в мою безграничную преданность изобретательскому делу?! Маленький ребенок, не иначе.

Если бы я получил степень знатока или, допустим, доки – не терял бы времени, копаясь среди масляных деталей и вечных понуканий Босвела, а записался бы в небесники, ну или, на худой конец, подался бы на корабль к рубежникам. Но поскольку путь к мечтам был пока для меня закрыт, приходилось потакать прихотям старого виртуоза и молча выслушивать его пустые восхваления собственному таланту.

– Тадам-там-там! – забарабанил Босвел, пытаюсь повторить знаменитые фанфары марша изобретателей. Получилось не очень похоже, но я изобразил на лице некое подобие восторга. А виртуоз торжественно продолжил: – Ты стал не просто свидетелем, а первым, кому будет позволено услышать...

– Вы закончили изобретение?! – не выдержал я, предвкушая скорейшую развязку затянувшейся работы. – Бесподобно! Мы наконец-то сможем запустить ее?! Когда? Ну когда же?! – меня переполнял восторг. – Во время ближайшего... последнего инча?!

Босвел, застыв на месте, удивленно таращил на меня глаза, видимо, не ожидая от своего адепта столь необузданной прыти.

– Угомонитесь, друг мой. Конечно же, мы ее запустим. Ведь чертежи я доделал еще в первый день перерыва.

Едва услышав слова виртуоза, я открыл рот от удивления.

– Простите, учитель, но чем же вы тогда занимались оставшиеся восемь дней?

– Как чем? – на лице Босвела возникла маска растерянности. – Я придумывал название нашей «малышке». Согласись, мы же не можем опустить рычаг и услышать рычащий звук двигателя, не назвав машинерию по имени. Это просто недопустимо!

Я подавленно кивнул, понимая, что никогда в жизни не смогу понять чуждых мне мыслей этого повернутого на всю катушку виртуоза.

Утро я встретил на своем привычном месте – под днищем сложной конструкции, в недрах которой не хватало всего одной маленькой детали. Клянусь ловким Луром, – приложив все свои навыки, я пытался пристроить крохотную шестеренку на указанное Босвелом место, но в последний момент она предательски соскальзывала со штыря, заставляя меня выругаться крепким словом и начинать очередную попытку.

– Скорее... скорее, мой друг, – торопил меня виртуоз. – С минуты на минуту они будут здесь.

Я услышал, как щелкнула крышка его знаменитых золотых часов, подаренных Босвелу самим Третьим экспертом гильдии пара Ниван Дисом.

– Они? – переспросил я. Моя рука замерла, осторожно держа шестеренку за тонкие зубчики.

– Комиссия Варгуса уже на подходе. Могуущественный изобретатель, ну чего ты там копаешься?!

Услышав слова господина, я едва не подпрыгнул на месте, ударившись о днище машинерии. Решиться продемонстрировать свое изобретение в работе без контрольных испытаний?! Поступки виртуоза не поддавались никакой логике.

– По-моему они уже идут! Ну что, Сти?! Ты меня просто убиваешь!

В данном случае мне стоило возмутиться и высказать Босвелу свои претензии, но моя злость нашла другое применение. Повернув эту маленькую скользкую шестеренку боком, я с силой загнал ее на положенное место и закрепил сверху металлическим фиксатором. Деталь вошла словно влитая, заставив меня задаться одним нехитрым вопросом: какого Итара я возился так долго?!

Не успев опомниться и порадоваться своей крохотной победе, я почувствовал, как что-то тащит меня за штанину. Еще миг, и яркий свет больно ударил в глаза, заставив зажмуриться и растерянно замотать головой. Мой хитроумный господин применил свое рыбацкое изобретение «Тяни-подсекай», механическую катушку с указателем и небольшим моторчиком второго класса. Подцепив крючком мою одежду, он нажал на кнопку, и вуаля, я лежу на траве возле машинерии, а надо мной склонились какие-то важные господа, по всей видимости, из Гильдии экспериментов.

– С вами все в порядке, юноша? – поинтересовался тощий человек в коричневом костюме и цилиндре, внешностью напоминая старого ворона.

– О да, с ним все хорошо, – ответил за меня Босвел, взволнованно потирая ладони. – Я просто попросил его отыскать мой монокль, который я обронил вчера вечером, прогуливаясь по саду. Ты нашел его, Сти?! – обратился ко мне виртуоз.

Вытерев замасленные руки куском ветоши, я лишь растерянно пожал плечами.

– Ничего страшного, – ободрил меня Босвел. – Куплю себе новый, еще лучше, с тропиковым окуляром.

Председатель комиссии, тот самый тощий господин, равнодушно пожевал губами и, переведя взгляд на своих коллег, сухо констатировал:

– Ну что же, мастера, пожалуй, начнем...

Пузатый, рыжебородый гном, который, по всей видимости, отвечал за техническую часть проверки, кивнул и, нацепив на глаза гогглы², принялся внимательнейшим образом осматривать машинерию. Пока только внешне, – но я знал, что пройдет несколько минут и комиссия попросит нажать на рычаг, а тогда...

– Ты ее приладил? – приблизившись ко мне, прошептал Босвел.

– Да, наставник. Лучшим образом, – без тени сомнения ответил я.

² Плотные непроницаемые очки, с различными механическими свойствами, например, способные увеличивать или уменьшать объект

– Ну вот и замечательно, – промурлыкал виртуоз и уже более громко произнес, – стало быть, можно стартовать.

Председатель деловито поправил механический пояс и, облокотившись на трость, одобрительно махнул платком.

– Итак, – заложив руки за спину и обогнув машинерию с правого бока, Босвел приблизился к заветной красной ленте, которую он предусмотрительно натянул между двух тощих деревьев. – Мое триста восемьдесят шестое творение необычно в первую очередь своей внутренней составляющей. Его механизм сложен и в то же время прост до невозможности. Мне удалось сочетать в нем несочетаемое. Мой гений умудрился создать «Пышку» такой совершенной, что я порой сам не верю своему счастью и еще...

– Ближе к делу, – поторопил его председатель.

– Да-да, конечно, мистер Цириус, – согласился Босвел.

Тем временем к высокому мастеру подошел рыжебородый гном и, убрав в карман гогглы, авторитетно заявил:

– Внешние параметры вполне удовлетворяют всем пунктам «Параменика».

Мистер Цириус удовлетворенно кивнул.

– Что ж, тогда, мистер Лимпус, пожалуй, стоит попросить уважаемого виртуоза Босвела продемонстрировать нам работу своей удивительной пневмопочты. Правильно я понимаю?

– Совершенно верно, – откликнулся гном.

Дрожащей рукой мой господин разрезал ленту, я помог стянуть ткань с множеством завязок, потайных крючков и замер в ожидании. Хотелось верить, что Босвел знает, что делает, и не ударит в грязь лицом, посрамившись перед строгой комиссией. Но думать о плохом исходе я не стал, поэтому скромно отошел в сторону и приготовился наслаждаться зрелищем.

– Не тяните время, виртуоз, – напомнил о себе мистер Цириус. – У нас сегодня запланировано еще три изобретения и одно испытание нового крылоплана.

Босвел воспринял слова председателя как сигнал к действию. Дернув за рычаг, он повернул огромный ключ и нажал заветную кнопку.

Массивная пневмопочта ожила. Огромные шипящие трубы выпустили потоки белого пара – единственного ресурса, который мог приводить наши изобретения в действие, – а затем в двух конических колбах забурилась сиреневая жидкость. Еще несколько клубов пара вырвались наружу. Кажется, заработало.

Второй член комиссии – пузатый мужичок, представитель народа кранксов³, поставил на траву кожаный саквояж с латунными замками и стал внимательно следить за виртуозом, готовившимся начать вторую фазу.

Подойдя к головной части машины, похожей на огромный почтовый ящик, Босвел продемонстрировал комиссии абсолютно белый запечатанный конверт, скрепленный родовой печатью. Повертев его в руке, он с гордостью погрузил экспериментальный образец внутрь узкой прорези. Письмо мгновенно исчезло в жерле пылящей машины.

Я затаил дыхание. Притихла и комиссия: гном надул щеки, мистер Цириус нервно теребил лацкан пиджака, а круглобокий кранкс с огромными рыжими бакенбардами, прищурившись, следил за работой мощных насосов.

Босвел торжествовал. Судя по шипящему и свистящему звуку, письмо прошло первичную обработку и готово было вот-вот отправиться на ленту распределения.

³ Немногочисленная раса с южного предела материка, прославившаяся своими изобретательскими способностями. Внешне они немногим выше гномов и являются настоящими доками в техническом деле.

Отсчитывая секунду за секундой, я мысленно, закрыв глаза, представлял, как конверт проскакивает сложные этапы проверки, сортировки и маркировки. И если я не ошибался, всего через пару минут письмо должно было принести нам благую весть. Мне – звание зна-тока, а моему наставнику – степень мастерского.

Машинерия работала безукоризненно: ровно, четко, ни единого постороннего звука.

Еще пара вдохов, и письмо оказалось на последнем конвейере. Над машиной стали мед-ленно, словно шасси, выползать огромные стеклянные трубы. Семь – по количеству отсеков⁴ в нашем городишке.

Резкий звук – жик – сигнализировал о вступлении в завершающую стадию. Я почти ликовал, так же как и мой великий учитель. Письмо должно было отправиться в один из участков города, достигнув искомого адресата. А в каждом из районов имелась своеобразная ловушка, которая обязана была в буквальном смысле захватить присланное письмо в свои сети.

Но данные тонкости Босвел уже давно объяснил высоким шишкам из Гильдии, и те в момент испытания уже не задавали лишних вопросов.

– Сейчас, господа, еще немного терпения, – предупредил виртуоз. – Скоро письмо отправится. Полет пройдет мягко и стремительно. Так что вскоре подобные устройства научатся переправлять даже посылки. Стоит только немного доработать ловушку. Верно, Сти?

– Ну, не будем забегать так далеко вперед, многоуважаемый виртуоз, – поспешил оста-новить его Цириус.

– Кстати, а куда именно должно отправиться ваше послание? В какой отсек? – вме-шался в разговор рыжеволосый кранкс.

– Ну, конечно же, в самый отдале... – начал было Босвел и запнулся на полуслове.

Почти насладившись скорой победой, я внезапно почувствовал, как улыбка сползает с моего лица. Не в силах поверить такой неосмотрительности, я, стиснув зубы, едва не хлоп-нул себя в отчаянье по лбу. Настроившись на презентацию, мой наставник, переволновав-шись, кажется, забыл об одной очень важной вещи – он так и не удосужился указать адрес. Я припомнил белоснежный конверт, лишенный всяких записей, и помрачнел еще сильнее. Неслыханная оплошность! И я тоже хорош, оставил без внимания такую мелочь, как коор-динаты.

Слава Открывателям, комиссия не отметила данного нарушения и смиренно дожда-лась окончания работы.

Машинерия застыла, будто в ней разом закончился весь пар, масло и выпали все под-шипники. Босвел бы назвал подобное состояние мертвым. В любом другом случае я обяза-тельно бы с ним согласился, но сейчас мне никак не хотелось в это верить. Наша пневмо-почта, прекраснейшая «Пышка», просто замерла, перестав издавать присущий машинериям звук. Никаких тресков, свистов, поскрипываний и шипения.

Мой покровитель, выпучив глаза и открыв рот, наблюдал за происходящим – у него, как и у меня, просто не нашлось слов, чтобы объяснить случившееся.

– Что-то не так? – уточнил кранкс.

– Может быть, подбавить пара? – предположил гном.

– Или лучше отложить инспекцию до лучших времен, – констатировал мистер Цириус и уже собрался направиться к воротам, когда в «Пышке» что-то ухнуло.

Председатель комиссии удивленно повернулся. Затем в машинерии хрюкнуло, свист-нуло, крикнуло, и произошло то, чего никто из нас не ожидал.

Взрыв случился стремительно и неотвратно.

⁴ Отсек – у механикусов – городской район

Я стоял дальше всех и поэтому пострадал меньше всего. Невидимой волной меня отбросило в сторону к старой засохшей яблоне, которую уже несколько лет собирались выкорчевать, но у виртуоза никак не доходили руки. Представителям комиссии повезло гораздо меньше. Гнома швырнуло в кусты торгинской колючки, росшей возле ограды в назидание пронырливым мальчишкам, воровавшим у мистера Босвела вишню. Кранкс совершил еще более опасное путешествие: перелетев через машинерию, он оказался в бочке с противным смоляным раствором, приготовленным для нового изобретения господина. И, наконец, мистер Цириус просто упал навзничь и, закрыв глаза, видимо, приготовился умереть, так и не выдав патент на очередное детище виртуоза. Сам Босвел отделался легким испугом, который забросил его на нижнюю ветку ближайшего дерева.

Охая и ахая, комиссия медленно собралась обратно в кучу. Видок у них, надо заметить, был не ахти. Гном, потирая ушибленный бок, выдирает из бороды колючки, кранкс сплевывал темную жидкость, а мистер Цириус с обгорелыми усами и кончиками пиджака напоминал зажаренного гуся и тихо подвывал, произнося каждое слово нараспев. А сказать им было что.

– Во-т э-тоооо да, – на одном дыхании произнес я и осторожно приблизился к дымящейся «Пышке».

Пыхнуло так пыхнуло. Сложный механизм все еще искрил и изрыгал протяжные стоны, словно подбитый метким выстрелом дракон. Но, главное, письмо было невредимо. Девственно чистый конверт, порхая, словно бабочка, опустился на черную ладонь гнома.

– Что все это значит, Босвел?! Постарайтесь мне объяснить, пока я не разжаловал вас до неумехи! – в ту же секунду взревел мистер Цириус.

– Я, про. оооо...ну...ина...че...че...как... – заикаясь, пролепетал мой учитель.

– Это мы понимаем, что ничего не понимаем, – согласился с претензиями председателя кранкс.

– Поддерживаю, – рявкнул гном. Его лицо напоминало сейчас неподвижных механикусов из зала славы, высеченных из цельного куска мрамора.

Напоследок неудачное изобретение виртуоза издало какой-то непонятный фыркающий звук и умолкло навсегда. Я стоял, не в силах произнести ни слова. Босвел, в отличие от меня, когда у него прошел шок, еще пытался оправдаться, но все попытки, на мой взгляд, были бесполезны. И все же они последовали.

– Дайте мне еще один шанс, – молил мистера Цириуса виртуоз. – Я не виноват в случившемся провале...

– О чем вы говорите, неудачник?! – дослушав лепетание Босвела, взревел председатель. – Вы позорите высокое имя механикуса! Запороть запуск изобретения – это высшая степень неуважения к Гильдии. Мы зря потратили на вас свое драгоценное время, и в следующий раз, боюсь, у вас не будет больше возможности доказать свою состоятельность. Мы не хотим впредь наблюдать за подобным крахом. Нам претят такие неучи, как вы. Поэтому, думаю, мы прощаемся с вами навсегда!

Решение председателя было более жестоким, чем приговор коллегии праведников.

– Стойте! – Босвел упал на колени и схватился за фалды одежды гнома.

Они уже дошли до ворот, когда кранкс помог своему коллеге избавиться от ненужного груза. Виртуоз беспомощно упал на бок, подняв столп пыли.

– Нет-нет... не уходите...

Мой учитель сейчас напоминал капризного ребенка, а не хитроумного мастера, способного вдохнуть жизнь в любую, даже самую сложную машинерию.

Остановившись на пороге, Цириус повернулся, презрительно уставившись на жалкого виртуоза. Его слова раздались подобно раскату грома:

– У вас есть оправдание?!

– Да, – внезапно прошептал Босвел.

– Какое?

– Я подготовил все идеально, и мое изобретение должно было работать безупречно. Я провел сотни испытаний, но произошла одна досадная оплошность...

– Оплошность? – Цириус нацепил на нос монокль, и его гнев сменился легким интересом.

Босвел привстал на колени, вытер слезы, немного подумал и изрек:

– В последний день я допустил до машинерии своего ученика Сти. Это он во всем виноват! – перст виртуоза указал в мою сторону. – Он хоть и хороший малый, но весьма неуклюж. Именно в нем причина неудач. Он что-то сделал не так. И вот итог!

Я слушал и не верил своим ушам. Босвел нещадно врал, спасая свою жалкую душонку, а я падал на дно масляной кучи, откуда не суждено выбраться ни одной, даже самой совершенной, машинерии.

Босвел говорил долго и чувствительно, навешивая на меня столько гадостной лжи, что я был уже не в силах воспринимать его слова. Опустив голову, я просто ждал, когда виртуозу надоест поливать меня грязью. Но речь его длилась бесконечно. Комиссия внимала, понимающе кивала и, в конце концов, дала моему учителю не совет, а скорее негласный приказ. Таким бездарям и криворуким тупицам, как я, нет места в гильдии мастеров. Босвел кивнул, соглашаясь. И незамедлительно пообещал им гнать своего ученика взащей.

Остановившись у высоких резных ворот, я низко повесил голову и ступил за порог. Именно отсюда и началось мое долгое и опасное путешествие. Мне впервые удалось подняться в небо, побывать в подземельях заброшенного города и научиться охотиться на опасного зверя с человеческим лицом.

Но давайте обо всем по порядку...

Глава 2

Обида и медные шестеренки

Паб «Веселая подкова» считался лучшим пристанищем небесников, которые не очень-то любили тех, кто не носил теплых курток с нашивками золотого винта. Лишь адепты махаников являлись для них неким исключением из правил. Боевые крылопланы после стычек с Совиным звеном⁵ часто чинились в одном из главных цехов отсека Тарсы, расположенном за стенами города на Северных равнинах – наверное, единственном месте на всем побережье, где любой уважающий себя ученик мог получить достойный опыт починщика. И пускай платили там сущие гроши, зато кормили на убой, и даже за мелкую работенку держатели ангаров устраивали настоящий пир молодым механикусам.

Дейв, мой близкий приятель, которого я знал еще с приютской скамьи, входил в число таких неопытных помощников.

Частенько сбегая от своего старого мастерового в поисках настоящего дела, он однажды забрел в крайний ангар Тарсы и показал себя с лучшей стороны. Так началось его долгожданное обучение механическому делу. В последний раз он поведал мне по секрету удивительную историю о том, как ему удалось «вдохнуть жизнь» в старый, всеми забытый «Пеликан», – Т-образный крылоплан, который считался на материке истинным раритетом. Я ему, конечно, не поверил, но, не раздумывая, поднял кружку за долгий полет восстановленной машины.

Опустошив еще одну пинту темного, я отрешенно оглядел малочисленный зал и грустно вздохнул.

– Чего хмуришься? Небось опять твой мудрец чего-то отчебучил? – поинтересовался Дейв.

Мой друг был явным полукровкой, не желавшим мириться со своим туманным прошлым. Поэтому к вопросу о своем происхождении относился весьма трепетно. «Я причисляю себя к прославленной семье ливисов. Только не тех, что родом из морозной тундры, а южных – первых собирателей пара», – говаривал он в такие минуты, и никто не спорил с его довольно смелым утверждением.

Первое время мы еще пытались шутить на эту тему, но за долгие годы нашего знакомства байка о его знатном родителе и тайном заговоре против семьи настолько поистрепалась, что колкости стали редкими, а огонек юмора постепенно угас. И сегодня я не стал реагировать на его высокопарную позу (грудь колесом, а руки уперты в бока) и высоко задранный нос (так высоко, что может уткнуться в потолок).

– Вчера мы предстали перед комиссией, – осторожно начал я.

– Да ну, – псевдо-ливис сделал вид, будто не поверил. – Что же вы представили? Двойную сушилку тряпок или раскалыватель древесины? – и, порадовавшись шутке, гордо присвистнул.

– Ни то и ни другое, – фыркнул я. – Это только твой глухой мастер может изобрести подобную ненужность. Мы пытались продемонстрировать работу пневмопочты.

– И что же?

Нахмурившись, я недовольно буркнул себе под нос:

– Провал.

Дейв зашелся истерическим хохотом.

⁵ Совиное звено – летное подразделение, подчиняющееся свободным островам и совету Независимых, которые отрицают власть материка и правящей Верхушки. По этой причине патрулирование летунов частенько заканчивается воздушными стычками

– Прямо распирает от любопытства: в чем же причина ваших неудач? Или вы все-таки умудрились выгодно втюхать изобретение Цеху?! Погоди. В этом я сильно сомневаюсь. Если бы такое случилось, ты бы уже танцевал на столе туки-стуки⁶, угостив своего лучшего друга настоящим фийским вином, а не довольствовался бы этим пойлом.

– Прав на все сто, – согласился я. – Мы с учителем провалились, как дилетанты. Хотя постой! Почему это – мы?! – меня даже передернуло. Встрепенувшись, я гордо выпрямился и, ударив кулаком по столу, авторитетно заявил: – Он облажался, а перед комиссией выставил меня. Понимаешь?! Взял и оболгал, как беспризорного щенка. Сочинил, будто я что-то там не подкрутил, не затянул – вот она и взорвалась.

Хлопнув себя по коленке, Дейв уже не смеялся – у него просто не осталось на это сил. Едва слышно постанывая, он продолжал сдерживать очередные приступы гогота.

– И в чем же напортачил твой виртуоз?

– Забыл подписать письмо, и оно не нашло адресата, нарушив тем самым последовательность действий, – совсем поникнув, кое-как попытался объяснить я.

– Медные шестеренки! Получается, вы были на финишной прямой, а тут – бац, вернее, хлопс, и все коту под хвост!

– Приблизительно так, – я отхлебнул еще пива и затих.

– И каков итог? – немного успокоившись, поинтересовался Дейв.

Я пожал плечами и, немного подумав, ответил:

– Мистер Босвел выставил меня за порог в тот же вечер. Просто отдал котомку и, сочувственно пожав руку, сообщил, что желает мне удачи... Возможно, были и другие напутствия, но я не хотел слушать его лживую болтовню. Еще он вроде намекнул, что если история с изобретением уляжется и комиссия подпишет акт, он будет рад меня видеть у себя в учениках. А пока я должен слоняться где хочу и как могу добывать себе пропитание... Еще он что-то говорил о репутации и деловой хватке...

– Он что же, тебе даже патент не выдал? – теперь лицо Дейва выглядело крайне обеспокоенным.

Я кивнул.

– На виртуоза, видимо, надавили из Цеха. Ты же знаешь – неучам не видать степени как своих ушей. А если провалил испытание – тут и подавно держись, свои же сгноят. Так что теперь я вольная птица, только вот куда лететь – ума не приложу.

– Да, дела, – вздохнул друг. – Похоже, наши выжившие из ума учителя, как вино, достигли того возраста, когда напиток превращается в уксус, – и, махнув рукой, добавил: – Не переживай, найдем мы тебе работенку.

– Без патента? – я заметно приободрился. Проблемы, которые казались мне ядовитыми змеями, жалящими за пятки, отступили в мгновение ока. Хотя не скрою, некое волнение все же осталось. И Дейв это заметил.

– Не думай, скорняком не устрою. И дровосеком тоже. Будешь делать то, чему учился не один год.

– Хочешь сказать, что без подписи Цеха меня допустят к летным машинериям? – не поверил я.

Дейв заговорщически посмотрел по сторонам и, видимо, убедившись, что нас никто не подслушивает, изрек:

– Именно так. И если повезет, получишь степень самостоятельно, без участия твоего предателя-виртуоза.

⁶ Туки-стуки – знаменитый на побережье танец, включающий в себя элементы чечетки и постукивания в ладоши.

Подняв кружки, мы громко чокнулись и сделали внушительный глоток. Оторвавшись от напитка, Дейв вытер рот рукавом, поманил меня пальцем и, перегнувшись через стол, тихо произнес:

– Только, чур, помалкивай! Кто спросит, лучше ничего не говори. Там болтунов не любят...

Я понимающе кивнул, совершенно не представляя, где находится это самое «там», куда он собирается меня отвести. Но вместо закономерного вопроса я клятвенно заявил:

– Я твой вечный должник.

– Будет время, сочтемся, – уверил меня Дейв. – Иначе и быть не может, медные шестеренки.

У входа послышался громкий топот, и в зал, словно стая бизонов, ввалились несколько высоких плечистых небесников. Все светловолосые, с короткими прическами под еж и маленькими косичками позади – как велел военный устав. Я слышал, что чем длиннее был этот символ принадлежности к братству летунов, тем больше был их авторитет. С одной стороны, несусветная глупость, а с другой – наглядное отличие. У военных же всегда так: меньше слов, больше дела. Покажи, насколько ты крут, и не трави понапрасну байки. А у небесников подобные постулаты являлись настоящей религией. Даже у тех, кто становился гражданским пилотом, угадывалась особая дисциплинированность, выправка и четко поставленная речь.

Обменявшись любезностями с хозяином паба, небесники заняли противоположный от нас столик и стали шумно обсуждать какой-то сложный или, скорее всего, единственный в мире неповторимый вираж.

Один из пилотов, прислонив правую ладонь к левой, стал крутить над столом сложные фигуры пилотажа, изображая резкие падения, взлеты и комментируя каждое движение. Приятель поддерживал его громкими выкриками: «Крылатая Форта!» Насколько я был осведомлен, это означало высшую похвалу почти у всех небесников.

– Что, хочешь к этим тупоголовым гигантам податься? – заметив мой взгляд, поинтересовался Дейв.

Я только хмыкнул:

– Как же, нужен я им, как молнии Тары. С таким багажом за плечами мне будет позволено разве что смахивать пыль с какого-нибудь простенького «Комара» с испытательным сроком в пятьдесят инчей.

– Для тебя, – на лице Дейва появилась загадочная улыбка, – думаю, изберут именно такой график.

Я недовольно зыркнул в его сторону. Сегодня шутки приятеля хотя и были не уместны, но, безусловно, достигали своей цели.

– Стало быть, твои слова легче меда...

– Почему? – не понял Дейв.

– Еще минуту назад ты обещал мне работу именно у небесников...

Прищурившись, приятель долго ничего не отвечал, а затем покачал головой:

– Не совсем так. Я говорил, что машинерии будут летные, не больше того...

Теперь я окончательно перестал что-либо понимать. Если я не ошибался, то устроиться механиком в частные ангары, где служили гражданские летуны, было еще сложнее, чем к военным, которые зачастую редко смотрели в бумаги – им был важен профессионализм, а не красная печать Цеха в нижней части патента.

– Ни к частникам и ни к военным... Тогда к кому? – здраво рассудил я.

– Узнаешь, – Дейв опустошил бокал и добавил: – Только подтверди-ка еще раз, ты согласен?

– В моем положении... Мог бы и не спрашивать.

Дейв улыбнулся, посмотрел куда-то вбок, кивнул и, хлопнув меня по плечу, произнес:
– Тогда чего же мы ждем? Вперед! До второго ужина я должен представить тебя новому работодателю, который не даст моему другу умереть с голоду.

Я успел заметить, как в дальней части зала возникла фигура – возможно, просто одинокий посетитель – и исчезла в подсобных помещениях паба. Поспешив за Дейвом, я не стал придавать этому факту особого значения.

* * *

Улица встретила нас невыносимым шумом. Настоящий калейдоскоп фырчащих, бурчащих, трещащих и иных невоспроизводимых звуков навалился на нас со всех сторон.

Отсек Серых труб, как его называли местные, или Промышленный альянс – как было написано на городских таблицах, был не самым лучшим местом для прогулок. Особенно сегодня. В месяц презентаций сюда съезжалось такое количество толстосумов, что голова шла кругом от их дымящих кортежей, заполнявших не только узкие улочки нашего города, но и все небесное пространство над ним. И тогда механические кареты разрывали тишину звонкими клаксонами, дирижабли – оглушающими трубами-оповещателями, а возмущенные прохожие – лужеными глотками. Каждый хотел продемонстрировать свое превосходство, тем более в таком щекотливом вопросе, как лидерство на запруженной дороге. В такие минуты элементарная вежливость уходила на второй план и каждый мнил себя не ниже мэра или члена Верхушки. Поэтому и возникали бесчисленные заторы, стычки и, наконец, просто аварии.

Я слышал, что пару недель назад министерство издало указ усилить патрулирование промышленного отсека, – но положения это не исправило. Перегруженные улицы не могла контролировать даже армия блюстителей. Сколько они ни бились – толпа и создаваемый ею хаос были сильнее.

– Осторожно! – Дейв дернул меня за рукав.

Почти вплотную к бордюру, словно ураган, пронесся массивный кэб, рассчитанный минимум на десять пассажиров. На крыше, слева, развивался маленький оранжевый флажок, перечеркнутый тремя параллельными темными линиями. Я погрозил вознице кулаком.

– Бесполезно. Это заказной, – со знанием дела заявил Дейв.

– Спасибо, приятель. Ты представь: он даже меня не заметил, – справедливо возмутился я.

– И никого не заметит, – поддержал меня друг. – Они под защитой Верхушки. Так что мой совет – таким лучше дорогу не переходить.

– Да он бы меня задавил и...

– И что? Кинул бы пару монет на погребение и дело с концом.

– А блюстители?!

– А блюстители отписались бы и закрыли дело. Мало ли таких неаккуратных, как ты, по улицам ходят? Целые толпы! А заказные кэбы на вес золота, вот и думай сам, – разъяснил Дейв.

Я ничего не ответил, потому что мой всезнающий друг был абсолютно прав. Наш скромный городок, знаменитый лишь самой большой в западных землях взлетной поляной и музеем первых крылопланов, которые изобрел наш соотечественник, – по сути своей, в столице считался сущим захолустьем. Поэтому каждый представитель Торговой ассоциации, прибывавший к нам с дружественным визитом, являлся персоной либеро – наделенной небывалыми полномочиями.

Конечно, и в нашем городке хватало богачей, но сделки, совершенные с крупнейшими промышленниками столицы, всегда приносили гораздо больше прибыли, нежели местные

контракты. И знал я это не понаслышке. Мой прежний учитель мистер Босвел обычно производил закупки у одного и того же леприхуна Ал-Хима. И каждый раз после торгового визита виртуоз заявлял, что его нещадно обманули, и причина тому – непомерная хитрость этих маленьких противных карликов, и он с удовольствием нашел бы поставщика в столице, где царили порядок и честность. А у нас, в Плакте, властвовали эти маленькие бестии – леприхуны. Конечно, они были не так жадны, как коблинаи, зато в умении обманывать им не было равных. Чуть ли не каждый день местные газеты трубили о новой стычке этих двух рас в момент подписания очередной несостоявшейся сделки.

– А куда мы идем? – оторвавшись от своих мыслей, поинтересовался я.

– Когда доберемся, увидишь. И поверь мне, не разочаруешься, – продолжил интриговать Дейв.

На улицах сегодня, впрочем, как и всегда, было многолюдно. Щурясь от яркого летнего солнца и вдыхая пыль, смешанную с человеческим потом и слегка приправленную выхлопными газами, я пытался не упустить из виду темно-синюю куртку Дейва. Ускорив шаг, он едва не ускользнул от меня, обогнав неуклюжего циклопа.

– погоди... Да погоди ты! – запыхавшись, окрикнул я его.

– Некогда, – отозвался Дейв. – Ал не любит, когда опаздывают.

Вначале я не разобрал его слов, а когда понял, что к чему, было уже поздно.

Свернув к серым низким постройкам, окна которых были скрыты массивными металлическими ставнями с огромными заклепками, я почувствовал неприятный запах нечистот. В здешних местах, наверное, до сих пор не было канализации, и жители справляли нужду прямо в проулках.

– Отвратительное место, – озираясь по сторонам, без тени сомнения заключил я. – Тут, наверное, куча всяких болезней.

– И никаких посторонних глаз, – думая о чем-то своем, добавил Дейв.

Хотя с его утверждением я бы не согласился. Всю дорогу от центральной улицы до заброшенного дома, напоминавшего выбитыми рамами и обвалившимся балконом рваный башмак, я чувствовал не себе неприятные посторонние взгляды. Но главное было не наличие неведомых соглядатаев, а их количество. Не пять или восемь, а гораздо больше... Если я не ошибался, за нами следило, по меньшей мере, три дюжины неведомых личностей.

Остановившись возле прогнившей двери, которая давно поросла серым мхом и была исполосована лезвиями, Дейв постучался. Необычно. Сначала несколько раз коротко, потом сделал паузу и воспроизвел условный сигнал еще три раза подряд.

Ответом была тишина. Поежившись, я нервно обернулся.

Возле воняющей кучи хлама возникла небольшая серая тень. Забравшись на самую верхотуру, она выпрямилась и в свете заходящего солнца стала настоящим гигантом. Только сейчас я понял, что это всего-навсего зубастая крыса.

Заметив мою реакцию, Дейв поднял валявшийся булыжник и швырнул в носатого хозяина помоек. Крыс прижал голову и устремился прочь.

– Постоянно здесь носятся, – признался друг и вновь повернулся к двери.

Стук повторился. И на этот раз я услышал тяжелые, неспешные шаги. Что-то огромное приближалось к нам с противоположной стороны преграды.

Лязг открывающихся замков растянулся на несколько долгих секунд, словно дверь имела бесчисленное количество секретных штырей и защитных механизмов.

Протяжный скрип.

Подняв голову, я уставился на огромного циклопа.

– Ну? – глухим басом поинтересовался громила.

– Мы к мистеру Клеверу, – дрогнувшим голосом ответил Дейв.

– Ну? – повторил свой вопрос циклоп и медленно выступил из сумрака коридора. Его лицо было украшено множеством темно-синих татуировок, хотя на сильно загорелой коже они больше напоминали огромный синяк, чем сложную вязь причудливых узоров.

– Он нас ожидает, – настойчивее произнес мой приятель.

Нахмурившись, циклоп немного помолчал, обдумывая слова Дейва, а затем, потоптавшись на месте и почесав затылок, сказал:

– Тогда ты должен знать слова, – а затем сделал шаг вперед и оказался чуть ли не в паре дюймов от нас. В лицо пахло тухлой рыбой – любимым лакомством одноглазых. Но не это было самым страшным. В руке циклопа маятником покачивался шестопер – опасное оружие, которое я видел всего пару раз в жизни.

Дейв замялся.

– Ты что, забыл пароль? – всполошился я.

– Не мешай, иначе не вспомню. Медные шестеренки! Клевер же говорил мне...

– Ну? – потребовал циклоп. И судя по его каменному лицу, терпение великана было на исходе. – Или слова, или лишитесь языка!

И я понял, что вот теперь-то уж точно влип в историю. Циклопы всегда были немногословны и никогда не бросали слова на ветер. А еще они очень любили украшать свою грудь бусами из человеческих ушей, языков и пальцев.

Жуткий привратник сделал еще один шаг вперед, смещая нас со ступенек.

Отступив назад, я уже приготовился дать деру, когда Дейв внезапно прошептал:

– Хвост трясогузки стоит дорого!

Циклоп насупился, закатил глаз, будто пытался что-то вспомнить, и через пару ударов сердца удовлетворенно кивнул.

Дейв посмотрел на меня и, гордо подняв подбородок, приветливо кивнул – мол, видишь, как я все устроил. Хотя мое настроение резко испортилось и я уже не был уверен, нужна ли мне работа в «таком» месте, отступить было поздно.

Глава 3

Не совсем удачное предложение и правило трех

Мрачный коридор заканчивался небольшой комнатой, в которой из всей мебели имелись лишь громоздкие платяные шкафы, стол и несколько стульев.

Толкнув меня в спину, циклоп указал на дальнюю дверь. Я не стал возражать и подчинился, проследовав внутрь.

В кабинете мистера Клевера оказалось немного уютнее: бесчисленное множество стеллажей с книгами, дубовый секретер и мягкие кожаные кресла, а еще – неслыханная роскошь – газовые лампы, расположенные в рабочей зоне у стола.

– Присаживайтесь, господа, – рыкнул циклоп и быстро удалился.

Погрузившись в приятную мягкость кожаного кресла, я мгновенно оценил колоссальную разницу между дешевой и дорогой вещью.

– Ну, что я тебе говорил, – подмигнул Дейв. – Мистер Клевер очень влиятельный человек в нашем городе.

– Что же он тогда не нанял парочку уборщиц, чтобы они подмели его хибару? – попытался пошутить я, но, как выяснилось, крайне неудачно.

– Я думаю это не ваше дело, молодой человек, – раздался дребезжащий голос. – Хотя, если вам интересно, могу прояснить ситуацию. Пыль появляется каждый день, а две монеты, которые я заплачу за работу, – гораздо реже. Вот и думайте сами.

Почувствовав себя весьма неловко, я потянулся к воротнику и, расстегнув верхнюю пуговицу, с трудом проглотил ставший в горле ком. Маленький хитрец лепрехун, спрятавшийся за крайним стеллажом, раскрыл себя в самый неподходящий момент. Выступив из темного угла, он желчно улыбнулся и, прищурившись, осмотрел нас с ног до головы. Пройдя короткое расстояние от книжной полки до стола, карлик поставил книжку на место и, сняв с головы высокий темно-синий цилиндр, запрыгнул на трехступенчатую подставку, а с нее на кресло.

– Итак, чему обязан, юные господа? – скрестив крохотные ручки и пожевав губами, мистер Клевер приготовился слушать.

Описывать леприхуна нет никакого смысла. По мне, так они все выглядят одинаково – в половину человеческого роста, кудрявые, рыжебородые, с кривыми носами и ехидными улыбками. Но причина не в этом. Перед нами сидел никакой не мистер Клевер, а старый знакомый моего учителя, Ал-Хим ди-ди Крошер.

– Вы меня помните, я Дейв Выкрик, механикус третьей степени из ангара? – замявшись, дрожащим голосом начал мой приятель.

– Допустим, – согласился Ал-Клевер.

– Так вот, – Дейв потер вспотевшие руки, – вы мне говорили, что вам нужны отличные механикусы.

– Безусловно.

– Я думаю, мой приятель – тот, кто вам нужен.

– Думаете или уверены? – с сомнением уточнил леприхун. Его серьезный взгляд коснулся меня, заставив смутиться.

Почесав свою рыжую козлиную бородку, он долго о чем-то думал, бухча себе что-то под нос, а после спросил:

– Покажи руки.

Еще больше смутившись, я вытянул ладони.

– Угу, – кивнул леприхун и опять погрузился в размышления.

– Даю голову на отсечение, он тебя возьмет, – шепнул мне на ухо Дейв.

Я ничего не ответил, надеясь, что друг окажется прав и вскоре карлик, удовлетворив свое любопытство, назовет мне свое предложение.

– Постойте, юноша, – внезапно опомнился Клевер, – а не вы ли часом приходили ко мне с виртуозом Босвелом, тем самым, что живет на улице Идей?

– Нет, – неуверенно отмахнулся я.

– Что ж, видимо, глаза старика совсем ослепли, великий Икар, – посетовал леприхун. – Так вы говорите, неплохо разбираетесь в машинериях? Можете чинить, обслуживать, запускать?

– Он занимался изобретательством! – торжественно произнес Дейв, вмешавшись в разговор.

– Ну да, – согласился Клевер и тут же засомневался. – Только молод он для такого дела. Что в подмастерьях был – верю, а личные открытия – вот уж дудки!

– Когда Икар первым отправился к небесам, ему было... – начал было Дейв.

Клевер, недовольно поморщившись, ударил кулаком по столу и злобно рявкнул:

– Не сравнивайте великий дар с сумасбродством!

Приятель, потупив взор, незамедлительно затих.

Надув щеки, леприхун быстро выдохнул, успокоился и, пригладив свой крохотный темно-синий камзолчик с огромными золотыми пуговицами, обратился уже ко мне.

– Итак, вот мой контракт, молодой человек. Работа непыльная: необходимо обслуживать один крылоплан, разновидность «Жужалица». Наставником у тебя будет Белый хвост, гном из Северного Штарца. Оплата – похлебка и один серебряный в неделю. Если устраивает, по рукам...

– А если нет? – восторженно спросил я.

Предложение было интересным, но в то же время грабительским. С одной стороны – возможность прикоснуться к настоящему крылоплану, узнать его механизм, секреты полета, а с другой – я должен был трудиться почти бесплатно. Даже Босвел давал мне на расходы сумму, в пять раз превышающую предложенное месячное жалованье, – притом, что мой бывший учитель никогда не отличался излишней щедростью.

– А у тебя есть выбор? – откликнулся леприхун. – Как я понимаю, вы, молодой человек, не горите желанием искать официального работодателя. Иначе не пришли бы ко мне, не так ли?

Я был вынужден признать его правоту. Клевер тем временем уверенно продолжал:

– Так что лучше соглашайся, сынок. Без патента, рекомендаций и прочей бюрократической ерунды ты в этом городе – пустое место. В лучшем случае – полумойка. Поэтому я бы на твоём месте не кочевряжился. Давай ударим по рукам или проваливай к Итару. Я и так потратил на тебя целую уйму времени.

– Хорошо. Я согласен, – моя рука медленно потянулась к карлику.

Леприхун в свою очередь не стал терять ни секунды и лихо ударил ладонью о ладонь.

– Вот и славно. Нанимаю. А это тебе, – карлик подкинул медную монету, которая, покрутившись, была поймана моим приятелем Дейвом. На его лице возникла довольная улыбка.

– Выспишься на конюшне. Мой одноглазый помощник Юк проводит тебя, а завтра спозаранку отведет в ангар. Жить будешь там же. Ты уж не обессудь, в таких вопросах лучше перестраховаться... – Леприхун хитро прищурился, ловко спрыгнул со своего кресла с подставкой и, подхватив высокий цилиндр, исчез за дверью.

Не успев опомниться и взвесить собственное решение, я оказался в стальных лапах циклопа, который проводил меня к выходу. Я едва успел попрощаться с Дейвом.

Моя привычная жизнь закончилась так стремительно, что я толком не успел пожалеть о случившемся, с головой окунувшись в мрачные закоулки старого города, где редко улыбались в ответ и чаще произносили бранные слова, чем услужливо приподнимали шляпу.

* * *

Спал я отвратительно. После вечерней похлебки, от которой у меня всю ночь крутило живот, я так и не смог расслабиться. Сено постоянно кололо лицо, лезло в уши, ноздри, а расстеленное поверх покрывало не спасало положения, а наоборот, заставляло чесаться и ерзать от неудобства.

Проснулся я таким разбитым, что хотелось закрыться от всех вокруг и не вставать до вечера, но оглушающий подзатыльник, отвешенный мне здоровяком, мгновенно привел в чувство.

Юк устрашающе оскалился, хотя, мне показалось, сделал он это слишком наигранно.
– Пора. Нечего расслаживаться.

Никакого тебе завтрака, крынки молока с душистым хлебом, и уж тем более лишней минуты немного позевать и вытянуться. Честно признаться, я уже начал сомневаться, что поступил правильно, согласившись на контракт с этим хитрецом леприхуном. И в эту самую минуту я принял одно очень важное решение – если мне не понравится новая работа, повернусь и уйду. Немного побродяжничаю, а потом вернусь к виртуозу. Как-никак, три года вместе работали, не откажет же он своему бывшему ученику, примет обратно. Тем более что я, можно сказать, спас его от позора, утаив от комиссии истинную причину неудачного испытания.

До ангара мы шли извилистой дорогой. Одни закоулки и задние дворы. Я даже стал ощущать себя не механикусом, а каким-нибудь наемным убийцей или злобным лиходеем, которых в нашем городе водилось предостаточно.

– Мы от кого-то скрываемся? – пытаюсь наладить общение, поинтересовался я.
– А если и так, то что? – пробурчал циклоп и замолк.

«Да, такого собеседника врагу не пожелаешь», – подумал я, с удивлением осматривая окрестности. В здешних трущобах я оказался впервые, и, если бы мне кто-то сказал, что я до сих пор нахожусь в Плакте, я ни за что бы ни поверил. Сейчас меня окружал совершенно другой город. Грязный, обветшавший и лишенный всяческой жизни. От серых полуразрушенных домов несло плесенью, мостовая была разбита вдребезг, а между ставнями лохмотьями свисало разорванное в клочья белье.

– Здесь, наверное, живут горные тролли? – предположил я, предприняв вторую попытку завязать разговор.

– Нет. – Циклоп покосился на пустые глазницы окон и, поморщившись, добавил: – Здесь живут йотуны. Хотя, по мне, это одно и то же. – Сплюнув, Юк ускорил шаг и в конце улицы резко свернул за угол.

Я не раз слышал об этих отвратительных порождениях Грязного пара. Если им дать волю, они способны на любые злодеяния, вплоть до душегубства. Поэтому в большинстве случаев блюстители, охранявшие покой города, выделяли этим существам крохотную огороженную территорию и пристально следили за их поведением. Правда, судя по тому пути, что мы проделали от дома Клевера до проулка «Восьми копыт», резервация у этого народца была не такой уж маленькой. Никогда не думал, что наш город является пристанищем для этих мерзких тварей.

Йотуны не очень любили дневной свет и появлялись на улицах только с закатом, первым делом начиная повсюду наводить беспорядок. Те, кого родил Грязный пар, терпеть не могли чистоту и упорядоченность. Но, главное, они не выносили огонь, и именно по этой

причине газовые фонари здесь всегда были в неисправном виде. А еще мне рассказывали, что йотуны сильно топочут при ходьбе. Видимо, по этой причине камни мостовой лежали расколотыми, будто яичная скорлупа.

Мои рассуждения на этот счет оборвались внезапно и бесповоротно, когда я неожиданно налетел на мощную спину циклопа.

– Пожалуй, хватит, – заявил Юк, а затем, развернувшись на месте, схватил меня за руки. Его лапища легко обмотала вокруг моих запястий тугую веревку, а глаза скрыла непроницаемая пелена. Я был настолько обескуражен, что даже не сразу сообразил, что меня спеленали, как пленника, нацепив на голову какой-то вонючий старый мешок.

– Клевер сказал – так будет спокойней, – объяснил циклоп.

«Только вот кому именно будет спокойней, мерзкий карлик, видимо, не уточнил», – пришла мне в голову забавная мысль. И мы зашагали дальше. Правда, теперь я двигался гораздо медленнее, старясь не споткнуться о выступающие бугры камней.

Я мог сопротивляться. К примеру, отказаться идти дальше или начать вопить во все горло, даже угрожать, – только ничего бы я этим не добился, разве что получил бы очередную затрещину. Поэтому, обдумав свое незавидное положение, я решил понадеяться на порядочность леприхуна и его слуги Юка и поплелся дальше в полной темноте.

Постепенно булыжники под ногами сменились ровным настилом, и я понял, что мы наконец-то попали в какое-то помещение. В нос ударил неприятный запах жженого металла и пыли. По всем признакам мы почти добрались до ангара.

Еще через пару минут моего путешествия в абсолютной черноте я услышал глухие удары молота и скрежет пил.

Тяжелая рука циклопа легла мне на плечо, и мешок в мгновение ока слетел с моих глаз. Щурясь от пробивающегося сквозь стеклянную крышу яркого солнечного света, я не сразу смог оглядеться и понять, где именно нахожусь.

Ангар оказался не просто большим, а огромным. Просторный купол накрывал пространство больше ста ярдов, в котором имелось множество лестниц, комнат, кранов и площадок, размеченных ярко-красными линиями на ровной поверхности. Вдалеке виднелось несколько средних, видимо, грузовых крылопланов и один двухъярусный паровинт, с мощной выступающей листовой броней и угрожающими пушками по периметру.

Открыв рот от удивления, я едва не застонал от восторга, когда над куполом завис еще один крылоплан: изящный и на вид почти невесомый, он развернулся в воздухе на одну четверть. Купол вздрогнул и, слегка подрагивая, стал отъезжать в стороны, открывая верхние ворота для посадки. Легкий ветерок ворвался внутрь, заставив взметнуться пыль и легкие частички металлической стружки. Заслонив рукой рот, я недовольно закашлялся, не переставая наблюдать за тем, как юркий, всего пару ярдов в длину, крылоплан совершает посадку.

Обычно небо над городом наводняли неповоротливые паровинты или шаровники, которые напоминали мне ленивых жуков, карабкающихся по облакам, будто по песчаным горкам, и вызывали своим гулом скорее головную боль, нежели восхищение. А вот крохотный крылоплан ранил меня в самое сердце, заставив учащенно дышать, словно я был тем самым механикусом, кто умудрился изобрести эдакое чудо.

Немного покачиваясь, юркая машинерия, на борту которой красовались несколько ярких рун, выпустила струю белого дыма и опустилась на землю. Ножки амортизировали мягкое приземление, и винты стали постепенно останавливаться, когда из кабины уже показался пилот. Ловко выпрыгнув наружу, он быстро подтащил фиксаторы и, убедившись, что крылоплан надежно закреплен на месте, снял шлем.

Мое удивление сменилось еще большим восторгом. Летун оказался девушкой. Причем такой симпатичной, что, когда она протянула мне свою тонкую ладонь для рукопожатия, я окончательно растерялся и стал неуклюже пятиться назад, пока не наскочил на Юка.

Девушка безразлично хмыкнула и, повернувшись ко мне спиной, зашагала в противоположном направлении, туда, где ее ожидал механикус. И выглядел он весьма необычно для простого помощника. Высокий и крепкий, этот гигант внешне походил на кузнеца, и лишь длинная широкая борода отличала его от повелителей огня и металла.

Летуны подошла к механикусу и растворилась в его крепких объятиях, а когда он отпустил ее, стала с упоением рассказывать о своих виражах. До меня доносились лишь обрывки фраз, но и благодаря им можно было составить вполне четкую картину происходящего. Получалось, что здоровяк-механикус умудрился разместить в крылоплане мощный акселератор, который и вызвал у девушки такой неопиcуемый восторг.

Юк внимательно наблюдал за душевной беседой, не проронив ни слова. Видимо, и у него она вызывала заметный интерес. Ну а я в свою очередь уже сгорал от нетерпения приступить к работе и в полной мере продемонстрировать всем присутствующим свое умение.

– А когда придет мистер Белый хвост? – повернулся я к циклопу.

– Он уже перед вами, юный шпунт⁷, – раздалось у меня за спиной.

Обернувшись и затаив дыхание, я уставился на выросшую громадину.

Вблизи механикус выглядел еще мощнее, как настоящая скала. Облаченный в длинный кожаный плащ и рабочую рубашку на завязках, он умудрился нацепить поверх одежды такое количество вспомогательных приборов, что возникал один закономерный вопрос: как он все это носит? Правая часть его лица была скрыта полушлемом, внутри которого, под стеклянной оболочкой, размещались сотни крохотных винтиков, колесиков и шестеренок. На груди крепился механический ящик для приборов, причем достаточно сложной конструкции. И, наконец, рука – а точнее, заменяющая ее конструкция показалась мне неким удивительным штрихом, завершающим общую картину величия гиганта. Мощные стальные стержни сходились в узловой части и переплетались с множеством проводов и разъемов, полностью воссоздавая строение кисти. Но главным были не все эти хитроумные приспособления, а рост механикуса. Гномы просто-напросто не могли достигать таких размеров. Максимум пять футов. Ну, может быть, еще половина. Но не в три же раза выше!

– Итак, мистер Клевер расщедрился и нанял мне помощника, – утвердительно произнес Белый хвост. – Безусловно, этот факт не может не радовать. Спасибо, Юк, дальше я сам, – и проводив циклопа равнодушным взглядом, гном обратился уже ко мне. – Итак, юный шпунт, поведайте нам свою историю. Каким таким боком вы коснулись великой науки механики?

Быстро сообразив, о чем идет речь, я попытался побороть волнение и ответил:

– Я изучал машинерию три полных года, – и, немного подумав, решил, что мой послужной список выглядит слишком скромно, сразу добавил: – И даже участвовал в двух экспериментах и презентации.

– Вот как? – гном с наигранным удивлением цокнул языком. – И каков же результат, шпунт?

– Плачевный, – честно признался я. – Мой бывший учитель был не силен по части изобретательства...

Гном нахмурился:

– А ты ему тогда на кой ляд сдался? Ты-то на что? Штаны протирать весь день или деталь несложную приладить?!

Его голос прозвучал, будто гром среди ясного неба – властный и оглушающий. Не найдя, что ответить, я лишь пожал плечами.

– Думаешь, все на мастера свалить можно? Не получилось – так только он повинен! Нет уж, дудки. Тут тебе не играляня. Каждый на плечо товарища полагается. Увидел, что я

⁷ Название новой, не обработанной детали.

ошибся, – поправь. В себе не уверен – перепроверь. Хоть сто раз, хоть тысячу. Мы с тобой здесь не степени зарабатываем и не славой поживиться хотим.

– К чему же такие строгости? – обескураженно поинтересовался я, виновато потупив взгляд.

– Строгости? – переспросил гном, немного сбавив тон. – Это ты верно заметил. И я тебе объясню причину. Цена ошибки слишком велика. Не доглядел ты – отвечать ей, – Белый хвост указал на девушку-пилота. – Понимаешь? Она будет отдуваться, если ее крылоплан в полете внезапно чихнет и рухнет камнем вниз.

Я живо представил эту картину – и мне стало не по себе. Как бы грубо гном ни выражал свои мысли, он был совершенно прав.

– Я постараюсь не ошибаться, – догадавшись, какого ответа ждет от меня мастер, тихо сказал я.

– Ты обязан не ошибаться! – поправил меня он. И, окончательно успокоившись, махнул мне механической рукой и теперь уже дружелюбно произнес: – Ладно, хватит на сегодня нагонять страха, пойдем, познакомлю тебя с семьей.

– С семьей?

– А как ты хотел? – удивился гном. – Мы здесь одна большая семья. Всегда вместе, как единый механизм. Кто-то сплоховал – и пиши пропало, все разрушится, встанет, и никакой ремонт не поможет. Живые – это тебе не машинерия, хотя и она порой, бывает, имеет свое мнение.

– Машинерия? Как это – свое мнение? – я остановился и удивленно уставился на механика.

– Со временем узнаешь, – уклончиво ответил мой новый наставник.

* * *

Дни на новом месте пролетали с дикой скоростью, и порой я ловил себя на мысли, что даже не знаю, какой сегодня день. В работе мой наставник оказался гораздо добрее и учтивее, чем при первой встрече. Говорил он тихо, размеренно. Если просил чего-то, а я, стараясь изо всех сил, все равно совершал оплошность, никогда не ругал, строго перепроверяя каждую выполненную мной работу, и если та удалась, никогда не забывал похвалить.

Но первое, с чего начал Белый хвост, – это правило трех. Неукоснительные, ненарушаемые законы, которые распространялись исключительно на нашу команду.

Первое: всегда прислушиваться к жалобам летуна. Если он чем-то недоволен и слышит в полете посторонние звуки – необходимо перепроверить, вплоть до полного разбора крылоплана. Второе: порченую деталь никогда не исправлять, лучше заказать новую. И третье: если узел сломан более чем в двух местах – заменять его полностью.

Заучив наставление гнома назубок, я гораздо позже узнал их истинную ценность.

Следующим шагом было знакомство с так называемой «семьей». В команду Белого хвоста входили вечно ворчливый гоблин Бирт, отвечавший за техническое обеспечение крылоплана, и помощник механикуса – задиристый и вспыльчивый Дик-Ди. Светловолосый юноша примерно моего возраста был худым, как жердь, и все свои претензии любил выражать кривлянием, словно лицедей с площади Новых открытий. И, безусловно, я не мог не упомянуть владелицу машинерии. Главной персоной нашей компании, по крайней мере лично для меня, стала мисс Тисабель, та прекрасная девушка, что управляла изящным крылопланом «Жужелица». Правда обращение «мисс» она отвергла сразу и, немного подумав, добавила, что полное ее имя звучит слишком громоздко, и попросила сократить его до привычного Тиса, а еще лучше Ти. Я не возражал. Да и как можно было отказать такой красотке!

– Эй, новичок, хватит мечтать! Подай лучше ключ две-четверти, – окликнул меня Дик.

Покопавшись в объемистом ящике, я извлек искомый инструмент и протянул его светловолосому. Тот что-то недовольно крикнул, но возмущаться не стал и, забравшись под крылоплан, принялся за работу, дав мне возможность немного передохнуть.

Обойдя машинерию, я облокотился на фюзеляж и принялся наблюдать за тем, как наши соседи по ангару грузят тяжелые мешки в отсеки. Словно муравьи-труженики, темнотицы гоблины взваливали на себя непомерные тюки и короткими шажками двигались в сторону пузатого крылоплана.

– Работяги, – задумчиво произнес я, пытаясь навскидку оценить количество груза.

– Контрабандисты, – лаконично заключил возникший возле меня Бирт.

– Это шутка? – уточнил я, боясь услышать совсем другой ответ.

Гоблин хихикнул:

– Ну конечно, шутка. Тут все так шутят. Отвезут что-нибудь запрещенное к южанам, и от них чего-нибудь назад этокое заберут. А если патруль прижучит, так они пожмут плечами и, конечно же, скажут, что торгуют лиектским табаком, а кто такие контрабандисты, они вообще не знают.

Уставившись на Бирта круглыми, будто плошка, глазами, я осторожно поинтересовался:

– Хочешь сказать, здесь все занимаются чем-то подобным?

– Ты имеешь в виду перевозку груза? – уклонился от ответа гоблин.

– Я говорю не о грузах, а о нарушении закона! – я указал на соседний крылоплан.

Из-под «Жужелицы» высунулась взлохмаченная голова Дика:

– Ну чего вы разорались? Икар вас побери! Ну, возят, ну запрещенное, так что теперь – с ума сходить?!

– Да как ты можешь так спокойно об этом говорить? – возмутился я. – А если блюстители найдут наше логово? Что тогда? – внезапное волнение захлестнуло меня с головой.

– Откупятся, – отмахнувшись, Дик вытер руки о старую ветошь и, ловко забросив ключ в деревянный ящик, пошел проверять уровень масла.

– А мы тоже возим такие вот «штучки»? – поняв, что больше из светловолосого не вытянешь ни слова, я повернулся к гоблину и стал допытываться у него.

– Мы – нет. Мы – другое дело, – размеренно сказал Бирт и, немного почесав лысый затылок, добавил: – Мистер Клевер не любит влезать в такую мелочь. Слишком большой риск за сущие гроши. Наш хозяин делает ставки по-крупному. Иначе не будет выгоды. Он всегда так говорит. Не будет выгоды, и все... – закончив речь, гоблин мгновенно потерял интерес к разговору и, подхватив тележку, уныло побрел в дальнюю часть ангара, оставив меня наедине с самим собой.

Сгрузив инструмент в хранилище, я накрыл чехлом крылоплан, убрал мусор и побрел в отведенную мне коморку. В голове не переставая крутилась одна навязчивая мысль: правильно ли я сделал, что доверился мистеру Клеверу? Перед глазами возникла огромная чаша весов. Справа на блюде виднелась моя старая жизнь, а слева – новая. Стрелка слегка колебалась, ожидая, когда я начну бессмысленное сравнение и, не дождавшись, дернулась сначала в одну, а потом в другую сторону, установив равновесие. Следом за вымысленным мерилom появилась Тиса. Она шла к своему клылоплану, не обращая внимания на меня. Внутренний порыв заставил меня ее окликнуть. Девушка остановилась и обернулась. Бледное, почти безжизненное лицо внезапно изменилось. Мягкие черты стали острыми, угловатыми. Внезапно Тиса резко дернулась вперед и, открыв рот, продемонстрировала мне свои длинные, словно иглы, клыки. Истинная веталла – ночная охотница, способная превращаться в кошмарного зверя, питающегося человеческой кровью.

Виденье растворилось в одну секунду. Не успев испугаться, я понял, что стою посередине ангара в опасной близости от соседней взлетной площадки, над которой в паре футов

завис нагруженный крылоплан контрабандистов. Плотные клубы пара вырвались наружу, заставив меня отступить назад. И воздушные потоки мощных винтов ударили в лицо, вызвав неприятное ощущение, – в глаза попали крохотные частички пыли. Я опустил голову и попытался поскорее вернуться на свою половину ангара, но, не сделав и пары шагов, почувствовал мощный удар в спину.

Не успев подняться, я получил еще один сильный пинок, заставивший меня согнуться пополам и дожидаться окончательного взлета крылоплана уже на полу. А вот нападавшие, напротив, только и прикрывались песчаным вихрем – мне удалось различить в мутной пелене две темные фигуры в плотных, непроницаемых гуглах. Один напал со спины и, заломив руки, обездвижил меня. Второй, вынырнув из вихревого потока, нанес несколько мощных ударов в живот.

Я охнул, продолжая жмуриться и сплевывать частички песка, попавшего в рот.

Нападавшие потянули меня вглубь ангара – туда, где высилась стена из огромных бочек, канистр и ящиков. Я попытался вырваться, но профессиональный захват надежно фиксировал мои руки.

Еще несколько ударов.

Крылоплан стал медленно разворачиваться на месте, а купол осторожно со скрипом смыкаться, перекрывая мощный поток винтов. Столп пыли нехотя осел, превратившись в тонкий слой, и оглушающий вой двигателя сменился звоном в ушах. И теперь я, наконец, услышал предъявляемые мне претензии.

– Еще раз сунешься на нашу территорию, получишь по полной! – это крикнул первый.

– И не смей глазеть в нашу сторону! Понял?! – добавил второй.

Последний удар поставил жирную точку в нашем коротком, но емком разговоре. Перед глазами все закружилось, меня стало мутить, и ноги превратились в ненадежные ходули, которые сразу же подломились. Повалившись на землю, как мешок с мукой, я, хватая ртом воздух, смотрел вслед двум мрачным фигурам, удаляющимся в направлении второй площадки. А возле нашей, первой, устроившись на груде старых деталей, сидел Бирт и, улыбаясь во весь свой гоблинский рот, наблюдал за происходящим, даже не собираясь мне помогать.

Закрыв глаза, я перевернулся на спину и уставился в стеклянный купол, разделенный на множество прямоугольных пластин. В лазурной синеве неба, у самой кромки массивных кучевых облаков исчезала маленькая черная точка – крылоплан моей наивной юношеской мечты, которая с каждым днем становилась все призрачней и неосуществимей. И вместе с грустным сравнением пришла одна очень обидная, но неоспоримая истина: этот новый дом никогда не станет для меня родным.

Глава 4

Кодекс воздушных лиходеев

Лед был как нельзя кстати. Прижав обжигающий холодом кулек к щеке, я закусил губу, пытаясь таким нехитрым способом унять ноющую боль. Механикус сидел напротив меня, регулируя мощность горелки, на которой готовился чудодейственный отвар по рецепту его горных предков. Маленькая рабочая комнатка быстро наполнялась запахом ромашки и чабреца. Я жадно вдыхал душистый аромат, чувствуя, как неприятное головокружение постепенно утихает, растворяясь в мягком привкусе тайных ингредиентов.

– Этот напиток готовил еще мой дед в эпоху первых небесных войн с Урантой.

Сбавив огонь, гном покосился на мои проступившие синяки и ободряюще продолжил:

– Ничего страшного, скоро заживет. А ты в следующий раз не провоцируй их. Сквоты этого не любят. С ними дружить надо, а не враждовать.

– Дружить с лиходеем?! – возмутился я. – Да лучше я породнюсь с троллем!

Белый хвост улыбнулся, снял дымящийся отвар с пламени своей металлической култей (получилось достаточно умело) и налил его в чашу.

– Весьма сомнительная перспектива. Даже если учесть тот факт, что у тебя появятся достаточно грозные родственнички.

– Да уж получше, чем провести остаток дней в Тауэр-Крит, – фыркнул я.

Гном протянул мне целебный напиток. И дождавшись, когда я сделаю осторожный глоток, спросил:

– Скажи, а что в твоём понятии – несправедливость?

Нахмурившись, я недоверчиво уставился на наставника. Несмотря на его бороду и массивную шевелюру, уловить отражавшиеся на его лице эмоции было не так-то сложно. Он спрашивал абсолютно серьезно: ни единого намека на шутку или издевательство.

Заметив мое замешательство, механикус попытался пояснить:

– Пойми, меня не интересуют твои рассуждения о голоде или бесконечных войнах. Расскажи, как она коснулась именно тебя, а не кого-то другого.

Задумавшись, я отставил в сторону чашу и, покосившись на вторую площадку, где неугомонные труженики грузили очередную партию запрещенного товара, вкрадчиво произнес:

– Мой бывший учитель... он был виртуозом, и всегда мечтал создать что-то необыкновенное. Такое, чем смог бы пользоваться каждый из нас.

– Он хороший механикус? – спросил гном.

– Думаю, что да, – кивнул я. – Иначе он никогда не создал бы целых семь изобретений, и каждое из них такое неповторимое, что даже бывалые эксперты диву давались, увидев столь сложную машинерию.

Белый Хвост понимающе кивнул.

– В чем же тут несправедливость?

– Понимаете, он никак не мог испытать свои творения. Вроде бы все хорошо, но как только доходило до экспертов, обязательно случалась какая-то заковырка. – Мой голос приобрел нотки обреченности, словно страшная закономерность преследовала не только виртуоза, но и меня самого. – И сколько мы ни бились – у нас ничего не получалось. Столько лет и все без толку! Сушая несправедливость...

– Согласен, – откликнулся гном. – Только это ведь не конец истории, не так ли?

Я не стал отнекиваться и рассказал о том, как последнее творение мистера Босвела стало причиной моих несчастий и насколько легко виртуоз расстался со своим учеником.

Закончив повествование, я ощутил вставший в горле ком, и, если бы мне пришлось рассказать еще какую-нибудь историю из своей, полной несправедливости жизни, я наверняка бы разрыдался прямо на глазах наставника.

Гном долго молчал, попивая душистый отвар, а когда чаша опустела, подмигнул мне и, словно заговорщик, оглянувшись по сторонам, сказал:

– Поздравляю, Сти. С сегодняшнего дня ты можешь именовать себя лиходеем.

Я хотел вспылить, вступив в жаркий спор, но под воздействием отвара, укротившего мою прыть, я лишь нахмурил брови и вопросительно уставился на механикуса. Тот, в свою очередь, не спешил с объяснениями, видимо, желая услышать от меня хотя бы один вопрос. Но вместо этого я твердо заявил:

– Я никогда не нарушу закон. Условия «Пароменика» должны соблюдаться неукоснительно, иначе любой механизм придет в негодность! – повторил я заученную в приюте первую фазу создания. – Пускай это делают другие, но только не я!

– На твоём месте я не стал бы делать столь скоропалительные выводы.

– А разве есть другой выход? – удивился я. – Закон и придуман для того, чтобы его соблюдали. Иначе не будет никакого созидания, а сплошной хаос.

Задумчиво почесав бороду своим механическим имплантантом, гном что-то прикинул, а затем, резко вскочив с места, подхватил меня под руку и потащил к крылоплану.

– Дик, готовь «Пташку» к полету...

Я успел заметить недовольное выражение гоблинской морды – скорее всего, он уже точил на меня зуб, обвиняя во всех смертных грехах.

В отличие от серокожего, вечно брюзжащий Дик мгновенно отреагировал на приказ механикуса. Оказавшись в противоположной части ангара, он воспользовался тягачом – специальной повозкой, способной с легкостью перемещать многофунтовые громадины, и выкатил на взлетную полосу нечто большое, плотно стянутое защитным чехлом.

– Что стряслось? – послышался сонный голос Ти.

Одарив меня лучезарной улыбкой, девушка подошла к гному и, прижавшись к его плечу, преданно посмотрела в глаза.

– Хочу принять в нашу команду еще одного недовольного, – кивнул в мою сторону механикус.

– Ты уверен? – отчего-то усомнилась Ти.

– Как никогда в жизни, – громогласно заявил гном и одним махом сорвал с крылоплана чехол.

Отблеск солнечных лучей отразился от начищенной до блеска обшивки «Пташки». Не успев ахнуть, я молча наблюдал, как фонарь⁸, издав несколько легких щелчков, отъезжает назад и открывает нашему взору удобные летные кресла из дорогой красной кожи пустынного трапера.

– Ну, что встал? Запрыгивай! – скомандовал гном.

Я ловко вскарабкался на крыло и погрузился в достаточно узкое, неудобное пространство, где от силы мог пошевелить плечами и слегка вытянуть вперед руки. Ти и Белый хвост последовали за мной. Фонарь щелкнул, окончательно лишив меня свежего воздуха. И тут я запаниковал. Легкий мандраж перед первым в моей жизни воздушным приключением, наверное, был вполне обычной реакцией, но я отчего-то решил, что скорый полет не сулит мне ничего хорошего.

Пристегнув ремни, которые с легкостью зафиксировались внутри креплений, расположенных по бокам кресла, я глубоко вздохнул, чтобы успокоиться, а вместо этого еще больше ощутил нехватку воздуха. Мне словно надавили на горло, заставив мгновенно разорвать

⁸ Остекленная кабина крылоплана

ворот рубахи. Стало немного легче, и только. Нагретый, тяжелый воздух, казалось, медленно проникает в меня, словно горячий кисель, неприятно обжигая внутренности.

Следующий приступ паники произошел, когда снаружи слышался нарастающий гул разгоняющихся двигателей. Находясь в ангаре и наблюдая за взлетом крылоплана, я обычно ощущал лишь легкую вибрацию и неприятное онемение, будто находился в кузнечном цехе, где непрерывно слышны удары молота о наковальню. А здесь, внутри этого трепещущего и пыхающего паром монстра, все выглядело совсем иначе. Звук рождался у самого сердца и, сковывая тело цепями непреодолимого, оглушающего страха, вырывался на волю одним непередаваемым гулом. В нем сочеталось все: треск, свист, вой, жужжание и еще сотни составляющих, природу которых определить я был не в состоянии.

Набрав нужные обороты, крылоплан осторожно оторвался от земли и ненадолго завис, немного покачиваясь, как на волнах, и пытаюсь нащупать такое хлипкое равновесие. Я понимал, что мы уже вне твердой опоры и постепенно удаляемся от поверхности ангара, а под собой существует лишь хлипкое днище крылоплана, с которым не может ничего случиться. Но страх уверял в обратном. И складывалось ошибочное впечатление, что я просто вишу, как груша, готовая вот-вот сорваться с ветки и упасть, разбившись вдребезги. Чувствуя выступивший на висках пот, я не стал больше прислушиваться к собственным ощущениям и, закрыв глаза, стал следить за происходящим при помощи ушей.

Протяжный скрежет плохо смазанных цепей возвестил меня о приближении к стеклянному куполу. Механизм нехотя откликнулся и, совершив цикл, затих, открыв нам ворота для взлета. Гул немного поутих и сделался более привычным, немного расслабив натянутые нервы. На несколько секунд крылоплан вновь завис, развернулся. В глаза, даже сквозь сомкнутые веки, ударил яркий свет.

- Как себя чувствуешь? – раздался приглушенный голос механикуса.
- Нормально! – стараясь переорать звуковой кокон, мгновенно отреагировал я.
- Это только начало, – утешил меня гном.

Резкий свист стрелой пронзил мое тело, пригвоздив к спинке кресла, словно я попал под тяжеленный пресс. Меня стало мутить, кровь прилила к голове. Ощущая навалившуюся усталость, я лишь через несколько минут попытался оторвать голову от подголовника и, на удивление, у меня это получилось. В один миг тело стало легким, почти невесомым. Открыв сначала один глаз, потом другой, и повернув голову, я обомлел. Мы находились где-то между бескрайними небесными просторами и тонкой, почти не различимой линией горизонта. Облака, будто мягкая перина, стелились под крылом, лаская блестящий фюзеляж крылоплана. Неопишущая красота была повсюду – сверху, с боков, на расстоянии вытянутой руки. Великолепное буйство палитры, от аквамаринового до темно-лазурного. Мы словно не парили, а плыли среди кобальтовой синевы невидимых волн, покоряясь мощным воздушным потокам. Непередаваемое ощущение захлестнуло меня с головой, окончательно избавив от тревоги и волнения.

Представив себя свободной птицей, я попытался дышать полной грудью, наслаждаясь нахлынувшими эмоциями.

Сидевший впереди меня гном повернулся вполборота и, подняв вверх руку, выставил большой палец от сжатого кулака.

Я утвердительно кивнул в ответ и попытался улыбнуться. Механикус тут же успокоился и, подавшись вперед к пилоту, стал что-то объяснять ей, указывая на возникшее между облаков огромное пятно. Ти несколько раз покачала головой, а затем резко повернула штурвал влево, заложив крутой вираж.

Небесное великолепие закружилось передо мной калейдоскопом размазанных красок, заставив вцепиться в ручки переднего кресла. Меня опять стало мутить. Еще один маневр, сопровождавшийся сильным протяжным скрипом крыльев, окончательно выбил меня из

колеи. Я уже не понимал творившийся вокруг хоровод. Лишь подступившая к горлу тошнота и ощущение внутреннего дискомфорта, словно у тебя из-под ног выбили опору, завладело мной и не отпускало до самой земли.

Приземление было более чем мягким. Не успев досчитать до десяти, я почувствовал небольшую тряску, а когда открыл глаза, увидел очерченную белым следом площадку.

Сглотнув, я попытался избавиться от неприятной заложенности в ушах. Получилось не сразу. «Фонарь» отъехал в сторону. Отделавшись от ремней, я попробовал подняться, но оказалось, что ноги перестали слушаться своего хозяина. Растерянно посмотрел наверх и увидел протянутую руку. Гном вытянул меня из кабины, как рыбку из реки, а потом помог спуститься с крыла.

Земля затанцевала подо мной, видимо, не желая принимать обратно в свое лоно небесного путешественника, и всячески пыталась скинуть с себя, как ненужную вещь. Белый хвост, подставив плечо, объяснил мое состояние таким образом:

– Это земное тяготение, адаптация после первого полета. Ничего, скоро пройдет.

– Мне пойти с вами? – поинтересовалась Ти.

– Нет, не стоит. Мы прогуляемся вдвоем. Ты же не возражаешь, шпунт?

Я молча согласился, пытаюсь угнаться за широкими, размашистыми шагами гнома.

Огромная поляна, утопающая в невысокой густой траве, напоминала заброшенную взлетную площадку. Кое-где виднелись покосившиеся деревянные постройки, полуразрушенные наблюдательные вышки и остовы сгоревших складов. И хотя в западной части еще сохранились ровные полосы, в остальных местах разметка практически исчезла, и лишь проплешины на зеленом ковре еще хранили память о массивных пытящих машинах.

– Его называли Кольютас, – заметив мой интерес к здешнему месту, пояснил гном. – Лет сорок назад здесь было не протолкнуться. Авантюристы со всего архипелага слетались сюда, словно мухи на мед. Перегруженная площадка едва справлялась, пытаясь принять всех желающих.

– В чем же был их интерес?

– Рифт, – коротко ответил гном и указал на дальнюю кромку леса.

Массивные кроны деревьев, склоняясь под частыми порывами восточного ветра, напоминали ровный частокотол непреодолимой преграды.

Остановившись возле высоченной сосны, гном задумчиво огляделся, словно вспоминая, куда идти дальше, почесал бороду и, подняв указательный палец, прислушался к завыванию ветра. Я не стал ему мешать, отошел в сторону и еще раз посмотрел на взлетную площадку, живо представив, как десятки крылопланов и дирижаблей выстраиваются в ряд, а сотни нагруженных носильщиков вереницей тянутся к двухэтажному каменному зданию, желая поскорее получить разрешительные документы, позволяющие вступить на территорию разлома. Повернув голову, я заметил, что к наезжему тракту подползают кареты с паровыми двигателями, возницы с радостью обслуживают хорошо одетым господам. В моем воображении на месте заброшенного городка кипела жизнь и царил благоденствие.

О Рифте я впервые узнал от преподавателей приюта. «Место, где земля разверзлась в стороны», – так называл разлом наш первый учитель Тингус-Фрес – маленький, вечно кашляющий орк, который в свое время был заядлым путешественником. По непонятной мне причине, он нарек здешние места Гиблой Трясиной, сравнивая открытие новых паровых месторождений с золотой лихорадкой. Гораздо позже я узнал, как он был прав. Только суть этого парящего в небесах золота оказалась куда страшнее желания обогатиться, добыв себе крохотный сверкающий металл.

– Пойдем, у нас мало времени, – оборвал мои мысли голос механикуса. И мы двинулись вперед.

Поросшая травой тропинка резко ушла вправо, и идти стало куда сложнее. Продравшись сквозь высокие кусты папоротника и древесные лианы, мы поднялись на небольшой холм, сразу за которым началась искусственная колея. Среди буйства зелени я не сразу смог разглядеть почерневшие от времени рельсы и покрытые мхом шпалы. Только когда гном оказался внизу и, ненадолго остановившись, указал мне на световые столбы, притаившиеся за изумрудной завесой, я оценил всю масштабность здешних конструкций. И пускай от бывшего величия не осталось и следа, природа все еще хранила в себе отголоски прошлого.

Зеленый коридор с высокими лиановыми сводами создавал некое подобие крыши и туннеля, уводящего нас куда-то вдаль. Где-то еще слышались натужные голоса тружеников, отчаянные крики управляющих, и из-под земли вырывались необузданные клубы пара, способного оживить любую машинерию, вдохнуть в нее жизнь и заставить работать на благо науки.

– Раньше здесь ходили огромные поезда, – гном указал на высокие столбы-краны по обеим сторонам дороги. – Колоссальный труд тысячи отчаянных авантюристов. Мы думали, наши потуги станут самым великим достижением архипелага, а оказалось..., – с грустью добавил он и, не договорив, тяжело вздохнул.

Вступив на очередную деревянную шпалу, полностью покрытую мхом, я почувствовал подозрительный хруст, и земля в тот же миг ушла из-под ног. Пытаясь сохранить равновесие, я ловко перескочил на ближайшую опору. С ней произошло то же самое, и мне пришлось, не останавливаясь, проделать длинный путь до поворота, где имелся металлический каркас.

Пытаясь отдышаться, я постарался прогнать предательскую дрожь и посмотрел вниз, в зеленую пустоту, куда падало сухое крошево гнилого дерева. Там, в зеленых недрах леса, виднелся глубокий, казавшийся бесконечным провал, а видимая изумрудная поверхность оказалась обманом. Получалось, что железная дорога пролегла над глубокой пропастью. Я внимательно пригляделся к рельсам, подпоркам и иным техническим новшествам, которые до этого никогда не встречал. Удивительное творение механикусов Рифта поражало и заставляло поверить в то, что для них действительно не существовало ничего невозможного.

При более внимательном изучении вырисовывалась совсем невероятная картина. Путь не просто пролегал над обрывом, скрытым зеленым ковром высокого яруса, который тянулся из пустоты низины ближе к солнцу, а повисал практически в воздухе, держась на едва уловимых стальных канатах. И мне оставалось только догадываться об истинной сложности конструкции. Чуть дальше обнаружилось еще одно чудо техники. Дорога, избавившись от висячих пут, опустилась на пневматические столбы, отчего рельсы даже под действием нашего небольшого веса слегка пружинили и поднимались в такт движению, напоминая покачивание волн.

– Невероятно, – прошептал я, не найдя других слов.

Находясь в достаточном отдалении, гном все-таки меня услышал.

– Ты прав. Здесь творили настоящие доки. И никакие пустые звания и регалии не могли сравниться с теми шедеврами, что рождались в их гениальных головах.

– Вы ведь тоже были здесь? Были добытчиком?! – спросил я, заранее зная ответ.

Белый хвост немного помолчал, потирая механическую руку, а затем, заметно волнуясь, стал рассказывать:

– Я был тогда немногим старше тебя, шпунт. Славные времена. Мечты и надежды. Никаких забот. Хотя нет. Существовала одна большущая проблема: я никогда не был похож на своих соплеменников. Меня не привлекали самоцветы и каменные штольни. Ничего подобного. Могучие, грозные машины – вот что заставляло меня сходить с ума. Сложные конструкции, способные подчиняться любым командам того, кто ими управляет. И все мои помыслы были заняты навязчивой идеей – осуществить несбыточную мечту...

Мои сородичи меня не понимали. В наших кланах не принято использовать пар, заставляющий двигатели работать, приводя в движение сложнейшие механизмы. Сделать неповторимый замок или выковать что-нибудь эдакое – да, но получать помощь извне у подземных божеств, рождающих пар, у нас считалось кощунством. Поэтому меня и не допускали к изобретательству. Впрочем, и к добыче путь мне был тоже закрыт. С моим неподходящим ростом я не мог работать в шахтах, добывая золото и драгоценные камни. Понимаешь?

Громадный увалень без цели и будущего. Они убивали во мне мечту. Я долго и упорно просил старейшин изменить свое решение, но они были непреклонны. В наших землях не любят отходить от древних законов – либо выполняя предсказанное горными богами, либо убирайся прочь. Я долго терзался сомнениями, но в конечном итоге решил рискнуть. В конце концов, у меня с моими братьями разные цели. Они верили в горные хребты и копи, а я в несокрушимую мощь машинерий.

– Получается, вы намеренно покинули родные пещеры? – поразился я.

Гном кивнул и продолжил рассказ:

– Вначале мое путешествие напоминало бег. Я старался уйти как можно дальше, боясь, что совет старейшин решит вернуть меня в родные копи. Поэтому первой моей остановкой стал Ранбенкдит – тихий городок со своими порядками и крохотной верфью, где в основном трудились кранксы, которые и стали моими учителями в механическом деле. Правда, там я задержался ненадолго. На фоне рыжебородых я выделялся, словно белая ворона. Но спасибо им и за крохотный курс науки... Затем я долго скитался по южным пределам государства, пытаюсь отыскать себе пристанище и собирая по крупицам основы ремесла, но, знаешь, мой грозный вид не внушал доверия тем, кто хотел воспользоваться услугами гиганта-механикуса. К тому же у меня не было никаких подтверждающих мою степень бумаг. Поэтому, услышав о новом Рифте, я понял, что не могу упустить такой шанс и отправился с первым же дилижансом. Прибыть сюда воздухом было слишком дорогим удовольствием для меня.

– И что же ждало вас на разломе?

– Боль, смерть, одиночество, – взяв небольшую паузу, перечислил гном. – Если ты считаешь здешние места счастливой жилой, где можно было заработать деньги и исполнить свои мечты, то глубоко ошибаешься. Конечно, в первый год мы с жадностью окунулись в работу, и нас не интересовали мелкие стычки и споры. У нас была идея и цель. И мы стремились к ним не щадя себя. Но когда Рифт взяли под контроль Верхушка и Коллегия праведников – все изменилось. Строгие порядки заставили многих добытчиков отказаться от смелых планов и покинуть Рифт. А потом к нам пригнали узников с Пыльных Рудников, и здесь стал твориться настоящий кошмар.

– А ваша рука? – осторожно поинтересовался я.

– Да, именно здесь это и произошло, – Белый хвост посмотрел на металлическую кисть, которая сейчас больше напоминала куриную лапку. – Это случилось осенью, когда активность подземных выбросов растет и добыча пара идет с удвоенной силой. Мы с моими друзьями создали небывалых размеров Трайсвер, который способен был заменить на Рифте сотню трудяг и выполнять всю работу за них. Я думал, мы совершили настоящий прорыв в науке и уберегли сотни жизней от случайных смертей, происходивших на Рифте.

– Но кто-то рассудил иначе, – догадался я.

– Узники... они решили устранить механического конкурента. Настоящие звери, они готовы были грызть глотки друг дружке, лишь бы продолжать трудиться на разломе и не возвращаться на рудники. В чем-то я их понимал. Это место стало для них неким подобием свободы. Но их жестокие методы... Я никогда не разделял насилие. Мы схлестнулись с ними у Рваной горы, у самого месторождения. Никаких компромиссов, уговоров и примирения. Они уничтожили смысл нашей жизни – машинерию, в которую мы вложили собственную

душу. Ее работа все изменила бы к лучшему, но они предпочитали махать кирками, и плевать им хотелось на наши изобретения.

После того кровавого утра на Рифт появились блюстители, и нас, как бунтарей, объявили вне закона. Мы стали для всех чем-то наподобие страшной болезни, ужасными душегубами, умевшими лишь убивать, голодными хищниками, достойными смерти. Одним словом – лиходеями. Вечными изгнанниками, лишившимися собственной мечты, свободы и всего остального. Понимаешь? Нас сделали такими против нашей воли. Но они ошиблись. Они не сломили нашу волю, а напротив, заполучили врагов, которые не желают больше мириться с тем, что их лишают главного – свободы. Это основная и, на мой взгляд, единственная цель кодекса лиходеев. А не убийство и насилие, как привыкли кричать во все горло тюремные глашатаи, слепые рабы тех, кто объявил на нас охоту.

– Но ведь Верхушке виднее. Может быть, все-таки стоило просто подчиниться?

Белый хвост резко остановился, посмотрел мне прямо в глаза и спросил:

– Скажи, когда ты летал на крылоплане, ты чувствовал себя свободным?

– Да, безгранично, – не раздумывая, произнес я.

– И хочешь, чтобы это повторилось?

– Да, конечно.

– А если тебе отказаться от полета?

Я ответил не сразу. Вопрос явно был с подвохом, но в то же время зацепил меня за живое. В моей жизни существовало столько несбыточных желаний, что лишиться еще одного – снова ощутить счастье полета – показалось мне чем-то невыносимым, поэтому я покачал головой.

– То есть ты бы пошел на многое, чтобы вновь обрести утраченную свободу. Твою свободу! Ту, что не променяешь ни на что на свете, – продолжил рассуждение гном.

– Наверное, да, – согласился я, вспоминая недавнюю эйфорию небесных виражей.

– Вот именно поэтому я и назвал тебя лиходеем. Три главных принципа нашего кодекса: познание нового, свобода и...

– Борьба? – попытался догадаться я.

– Нет, – сказал Белый хвост. – Гнев. Только благодаря этому мы можем достигнуть первых двух целей.

Мы поднялись на очередной холм, и я увидел неровную границу. Здесь плотные ряды деревьев упирались в каменное плато, которое напоминало пол в нашем ангаре – ровный серый настил, растянувшийся на бесконечные мили до самого горизонта.

Приложив ладонь ко лбу, чтобы солнце не слепило, гном вгляделся куда-то вдаль. Я повторил его движение.

Сначала я различил лишь белое марево, зависшее над землей, словно туман, способный исказить действительность, но потом мне открылась вся картина. Пустота была здесь всего-навсего прикрытием. Поверхность земли плыла волнами, и только благодаря невероятным усилиям я смог разглядеть крохотные точки неких сооружений, казавшиеся причудливыми миражами в этом жарком, лишенном влаги и всего живого месте.

Глава 5

Ржавое солнце запретной зоны

Отдышавшись, я привалился спиной к пожелтевшему и изъеденному дырами остову исполинской машинерии, которая, как мне показалось, наполовину вросла в один из высоких барханов. Горячий воздух обжигал легкие, словно внутри меня бурлило огненное варево. Стараясь как можно реже дышать, я отступил назад и покосился на моего проводника. Гном выглядел довольным, хотя его лицо на фоне палящего солнца и казалось весьма бледным. Стало быть, наш путь лежит вперед и пасовать перед невероятной жарой мой наставник не собирается.

Я с грустью обернулся и посмотрел на непомерную дистанцию, которую нам пришлось преодолеть, чтобы добраться до границы Рифта. Отсюда оставалась видна только часть лесной кромки, нитью растянувшейся вдоль горизонта и превратившейся в мираж, похожий на что угодно, только не на спасительный оазис.

Нам предстояло выдержать три перехода длиною в несколько миль. Казалось бы, весьма скромное расстояние, но на преодоление его нам потребовалось три, а может быть, четыре часа. И каждый шаг на финишном рубеже дался нелегко.

Я хорошо помню, как гном посмотрел на свои часы. Что-то прикинул, убрал их обратно во внутренний карман и посоветовал мне не отставать. А затем принялся коротко объяснять мне, что необходимо сделать и как поступить, чтобы не угодить в расставленные впереди ловушки. От меня всего-то и требовалось: петлять не хуже рыжеполосых ужей и не сбавлять сумасшедшего темпа. Не успел я опомниться и хорошенько расспросить гнома о препятствиях, как грузный и на вид весьма неповоротливый гигант уже рванул с места. И двигался он так легко, что я едва успел нагнать его, приложив при этом немало усилий.

Стараясь не сбить дыхание, я вдруг заметил возникающие на каменной поверхности темно-вишневые круги. Они словно вырастали из-под зубчатого плато и, увеличившись в размерах до пары футов, стали двигаться в нашу сторону.

– Петляй! – скомандовал гном и начал смещаться вправо, описывая некое подобие зигзага. Я последовал его примеру.

Круги, которых уже появилось больше дюжины, прекратили движение и непонятно по какой причине стали меркнуть, исчезая прямо у нас на глазах.

– Резко влево! – вновь послышался приказ механикуса.

Сделав жадный вдох и ощущая дикую усталость в ногах, я все же изменил направление, успев заметить, как на том самом месте, где мы должны были оказаться, если бы продолжали бег в одном направлении, вдруг возникли темные пятна. Все случилось внезапно и неотвратимо, я даже не успел испугаться. Земля просто разъехалась в стороны, открыв нашему взору огромные, идеально ровные дыры-ловушки, предназначавшиеся исключительно для нас. Пару секунд ничего не происходило, а потом я услышал странный хруст, словно одновременно сломались сотни веток. Звук заставил меня обернуться. Я едва не вскрикнул от отчаянья. Прямо за мной возникли сотни, а может, даже тысячи ям. Следуя по пятнам, они опережали нас, и если бы гном не схватил меня за предплечье и не откинул в сторону, на следующем же шаге я оказался бы внутри одного из этих ужасных провалов.

Дальше следовали бесчисленные команды «налево», «направо». Клыкастая поверхность плато сменилась песком, и бежать стало еще труднее. Ноги вязли со страшной силой, и каждый следующий шаг стоил мне невероятных усилий, в отличие от Белого хвоста, который продолжал двигаться с одной скоростью и выглядел ни капельки не уставшим. Да что там уставшим! Мне показалось, он даже не запыхался.

Впереди нас ждало еще несколько сюрпризов. Здесь круги-ловушки превратились в широкие платформы различных форм и размеров. Их появление на песке сопровождалось протяжным скрежетом, треском, и я уже мог угадать, когда и где возникнет новый разлом.

Не помню, как долго мы бежали. Мне показалось – целую вечность. Но когда силы окончательно начали меня покидать, я, наконец, узрел заброшенный город. Настоящий металлический титан, величиной и масштабами сравнимый разве что с промышленными заводами мистера Титвела Гиста – главы третьего Цеха механикусов. По крайней мере, других подобных строений я никогда раньше еще не встречал.

Единственным отличием было лишь то, что творения знаменитого изобретателя продолжали непрерывно работать, изрыгая в небеса тяжелые клубы серого дыма, а Рифт напоминал сейчас немую музейную экспозицию, лишенную всякой способности работать.

Достигнув мраморных пластин, опоясывающих город, я обессиленно повалился на землю, жадно хватая ртом воздух.

Присев возле одной из невысоких пузатых построек, некой пародии на наблюдательную башню, гном дал мне возможность прийти в себя, а сам тем временем вновь извлек позолоченные часы на цепочке. Я с интересом покосился на циферблат и понял, что ошибался – в руках механикуса был не измеритель времени, а компас. Необычный, с двумя разноцветными стрелками и, по меньшей мере, пятнадцатью координатами. Заметив мой взгляд, гном задорно подмигнул мне и, указав на пустыню, пояснил:

– Здесь охранные механизмы устарели и реагируют на чужое присутствие не так быстро, как в остальных местах. Отклонись мы чуть на север или на юг, нас бы разорвало в клочья. Там сигнализации все так же смертоносны и не совершают ошибок. Так что единственный способ попасть в Порто-лукура существует только здесь.

– Ржавый город! – услышав заветное слово, я едва смог повторить его название на привычном для меня языке.

Гном кивнул.

– Именно он, шпунт.

– Но откуда вы узнали, что здесь существует лазейка? – все еще не веря словам механикуса, поинтересовался я.

– Из собственного опыта. Я лично участвовал в создании защитного пояса Рифта.

Вытаращив глаза, я так и остался стоять на месте. Все, что творилось вокруг меня, просто не могло быть правдой: захватывающим сном – да, пожалуй, но только не реальностью, где мне удалось повстречаться с настоящей легендой механикусов.

В приюте наш учитель, мистер Фрес, рассказывал нам о великом и неподражаемом мастере, который, можно сказать, по крупницам вырастил настоящий механический город возле огромного месторождения пара на архипелаге. Он утверждал, что великий Уорстон Хром – такое имя носил первый механикус Рифта, способен оживить любую машинерию даже с закрытыми глазами. Для меня подобные истории всегда были сродни легендам. Но получалось, не все легенды лживы. И удивительный случай свел меня с самим Хромом, у которого я теперь ходил в учениках. Поразительно. Я никогда не был баловнем Фортуны, а теперь вот ощущал на себе длань самого Икара, совершившего первый полет в небеса и ставшего настоящим кудесником новой науки.

Мы неспешно двинулись в самую глубь Ржавого города. Гном лишь изредка поглядывал на зависшее в зените солнце и сверялся с компасом. А я, в свою очередь, не мог оторвать глаз от шедевров сложных механических конструкций. Застывшие исполины, большие коррозийным налетом, безропотно наблюдали за своим создателем, который, будто строгий отец, в знак наказания даже не удостоил их взглядом.

Машинерии были огромными, гораздо выше городских сооружений. Остроконечные землерои, кряжистые бурово-пары и похожие на пауков дозорные ходуны стали частью при-

чудливого городского пейзажа, и только стальные каркасы позволяли не спутать их с каменными домами.

Остановившись возле огромного паровоза, обшитого толстыми листами защиты, я с интересом пригляделся к гладкой, почти полированной поверхности. Ровный ряд заклепок, словно шов на идеальном, дорогом костюме, напоминал причудливые рунические узоры, а массивный ряд колес высотой с человека напоминал смертоносные жернова, попав под губительный пресс которых, нельзя рассчитывать на спасение. Дальше по улице располагались ровные ряды Трайсверов-собираателей. Их гусеницы, снаряженные мощными дополнительными лентами, сцеплялись между собой крохотными крепежами, отчего общая картина казалась бесконечной. Одинаковые самоходные части, квадратные стеклянные кабины, тупые носы камер и двигатели-хранителей.

Потом шли Трайсверы-исследователи – такие же несокрушимые и массивные, с одним отличием: вместо незащищенных кабин у них имелись тяжелые бронированные башни с двумя крутящимися пулеметами Галинкта – великого оружейного изобретателя. Я и понятия не имел, зачем здесь, в безжизненных просторах, где не существует ничего живого, труженикам Рифта понадобились такие штуковины, но, судя по валявшимся под ногами гильзам и все еще витающему в округе запаху пороха, эти самоходные убийцы во времена добычи не стояли без работы.

Но главным открытием среди металлических великанов стал «Громовержец». По крайней мере именно это название виднелось на высокой корме летающего корабля-крепости. Высунув нос из деревянного навеса со скошенной крышей, он терпеливо ждал того знаменательного момента, когда ему предстоит совершить свой первый полет. И надо заметить, для данного торжества все было готово: и мощные тягачи с примитивными механизмами лебедок, и высокие каменные помосты с поручнями для удобства зрителей, даже несколько паровозов, ютясь у выезда из длинных ангаров, изнывали от желания поскорее вывести на взлетную площадку своего летающего собрата.

Взобравшись на платформу, гном остановился и позволил мне насладиться зрелищем. «Громовержец» был бесподобен. Напоминая акулу, он при этом имел квадратный нос, как у дирижабля, и несколько труб, расположенных на верхушке, в непосредственной близости от смотровой площадки. Кабины команды находились в нижней части воздушной крепости. Две округлые – в средней части, и одна продольная в носовой. В хвосте находился плавник, регулирующий движение, и еще множество мощных винтов, способных разогнать этого увальня до безумной скорости.

– Этой ласточке так и не суждено было взлететь, – с грустью заявил гном и, видимо, чтобы не бередить неприятные воспоминания, быстро спустился вниз по винтовой лестнице.

Дальше наш путь проходил по внутренней части города. Бесконечные переходы, туннели, напичканные трубами-вытяжками и тусклыми белыми фонарями, скрытыми толстым коконом мутного стекла. Каждый наш шаг сопровождался чужим сопением, стоном и чем-то похожим на людские мольбы. И даже когда мы останавливались, чтобы передохнуть, посторонний звук никуда не исчезал. А вскоре мне стало казаться, что неведомые жители этих мрачных, холодных помещений просто издеваются над нами. В отличие от меня, гном не обращал на чужое присутствие никакого внимания – только чаще поглядывая на компас, он бормотал себе что-то под нос и невозмутимо спускался дальше, вглубь механического лабиринта. Не донимая его пустыми вопросами и стараясь не отставать, я гнал тяготившие меня мысли прочь.

Очередной пролет закончился очередной винтовой лестницей.

Нижний ярус оказался наполовину заполнен водой. Откуда она взялась здесь, среди вечных песков и жары, я не знал, но отчего-то мне сделалось совсем скверно. Перспектива

остаться в жутких катакомбах навсегда липким страхом подобралась к самому сердцу, заставив меня поддаться внезапной панике.

Свет практически пропал, и лишь случайные искры, возникающие в темноте, на миг озаряли пустые коридоры, вынуждая меня вздрагивать и замирать в предвкушении неминуемой опасности.

Наконец наше погружение в жуткие подвалы повелителя смерти Итара закончилось. Случилось это внезапно. Не успев опомниться, я наткнулся на механикуса, который, склонившись над компасом, внезапно застыл, будто поломавшийся механизм. А вскоре резко рванул вправо и исчез в пустоте.

Я нашел его в крохотном закутке. По всей видимости, это была комната или отсек для хранения инвентаря.

Обхватив подбородок, Белый хвост внимательно оглядывал стеллажи и ящички, пытаясь что-то вспомнить. Длилось это недолго. Подняв указательный палец над головой, он буркнул себе под нос спасительное «ага» и приступил к решительным действиям. Не пользуясь подручными средствами, он взломал один из рабочих шкафов и, достав масляный квадратный фонарь, добыл для нас свет. Длинные тени, шипя и завывая от внезапной боли, попрятались по углам, опасаясь возникшего бледно-желтого шара. Гном приободрил меня, похлопав по плечу. Но я прекрасно понимал, что те, кто живут во мраке, никуда не делись, а просто затаились на какое-то время, ожидая, когда наш источник света погаснет, и тогда уж они точно не упустят возможности поквитаться с нерадивыми гостями.

– Куда мы идем? Зачем? – не выдержав, я замедлил шаг и внимательно посмотрел на механикуса.

– Что?

Лицо гнома в мерцающем свете казалось озадаченным, словно я задал вопросы, на которые не требовалось ответа.

– Мы ведь что-то ищем? – спросил я немного иначе.

Гном коротко кивнул и, в очередной раз взглянув на компас, как ни в чем не бывало двинулся дальше. Видимо, цель была уже близко, и он не собирался тратить драгоценное время на пустые разговоры.

Помещение походило на крохотную кабину, в которой находилась лишь высокая приборная панель с множеством тумблеров, датчиков и контроллеров, покрытых толстым слоем пыли. Место стены занимало толстое окно, открывающее вид на огромный подземный цех. Неподвижные ленты управления продолжали хранить на себе массивные детали. В глубине, скрытые мраком, располагались пункты сбора.

Пока я разглядывал хитроумные приспособления, способные в один миг безошибочно скрепить основные узлы машинерий, гном с легкостью вскрыл нижнюю часть панели и извлек на свет пять светящихся контейнеров. Яркий лазурный свет тут же наполнил помещение. Я заметил возникшую на лице механика улыбку. Прижав находку к груди, он довольно быстро опомнился и убрал ее в мешок, скрытый длинным плащом.

Дело сделано! Я мысленно порадовался, что мои опасения не подтвердились и путешествие вышло практически безопасным, если не вспоминать дыры-ловушки.

И в этот самый миг за моей спиной что-то щелкнуло, и внизу, у дальней лестницы, возле ровных рядов контейнеров с законсервированными деталями, мелькнули и тут же исчезли несколько высоченных фигур.

– Быстрее, уходим!

Мне или показалось, или гном был готов к подобному развитию событий.

Сильное волнение вспыхнуло во мне с новой силой, вскоре обратившись настоящим ужасом. Вместе с нами в темноте находился еще кто-то! Кто-то опасный, способный бесшумно передвигаться и не желавший отдавать свои подземные сокровища.

Обратный путь занял гораздо меньше времени. Тяжело дыша и постоянно оглядываясь, я несколько раз споткнулся, упал в затхлую воду, поднялся и вскоре с быстрого шага перешел на бег. Страх неизвестности подгонял меня не хуже пропитанной солью плетки, каждый удар которой обжигал жарким огнем. Воспоминания о приютских наказаниях пришли на ум внезапно и почему-то никак не хотели покидать мое воспаленное сознание.

Теперь неведомые обитатели темноты не пугали нас протяжными стенаниями и жутким эхом, они практически наступали нам на пятки, пытаясь перехватить нас до того, как мы выберемся наружу.

Шаг, десять, двадцать, сто, тысяча. Трясаясь от ужаса, я отчитывал секунды, приближающие нас к спасительному свету. Но вместе с увеличивающимся пятном выхода рос и шум тяжелых шагов.

Нас почти догнали!

Мы обречены!

Еще секунда. Еще шаг.

Задышавшись, я вытянул руку и вцепился в ржавую лестницу. Три человеческих роста – и мы на свободе!

Гном схватил меня за шкуру и, приподняв над землей, запустил вверх. Я взлетел, словно праздничная шутиха, зацепился за поручень и только теперь нашел в себе силы оглянуться.

На механикуса налетели сразу двое. И если бы не призрачный свет ламп, я бы принял их за жутких призраков или оживших мертвецов. Но на самом деле звали их иначе.

Манипуляторы⁹!

Высотой почти в два человеческих роста, на тонких ногах, вывернутых назад, как у кузнечика, с округлыми телами и длинными руками. Голова у них тоже имелась, только она больше походила на тыкву, в центре которой мерцал огромный треугольный глаз, источавший мощный малиновый луч, а с тыльной стороны за прозрачной пленкой защиты виднелся заводной механизм, отвечающий за срок работы данной разновидности машинерии.

Стражи Ржавого города смело ринулись в бой. Первый нанес гному удар в грудь, а второй попытался зайти со спины. Я хотел помочь, предупредить, но механикус и без моих подсказок прекрасно справлялся с нападающими. Увернувшись от пары-тройки достаточно прямолинейных тычков, он ухватился стальной рукой за шею – хотя правильнее было бы назвать эту часть тела «соединительным узлом» – и переломил ее пополам. Вторым тем временем извлек из собственного тела два обоюдоострых кинжала и закрутил ими перед собой, будто лопастями – мельница.

Но и на этот случай у Белого хвоста нашелся козырь: шестизарядный дивольвер, стреляющий пулями с электрическим стержнем. Выстрел прозвучал хлестко, оглушительно. Манипулятора окутала паутина мощного искрящегося разряда. Вздвогнувшись, он немного покачался и рухнул на землю, превратившись в бесполезную железяку.

Гном задрал голову и уставился на мое зависшее тело.

– Если ты и дальше собираешься торчать здесь, то с остальными станешь разбираться сам! – заявил он без тени иронии.

– Остальными?!

Только сейчас до меня дошло, что стражей Порто-лукура гораздо больше. Может быть, сотня или тысяча.

Короткая тишина начала заметно заполняться посторонними дребезжащими звуками.

⁹ Аналог современных роботов. Созданы для осуществления простейших задач: охраны или сопровождения. Неспособны выполнять сложные функции размышления и принятия собственных решений

Бум-топ-бум-топ. Стальная поступь настоящей армады приближалась к нам со скоростью стремительного паровоза.

– Ползи! – во все горло проревел гном.

Два выстрела в пустоту коридора вынудили меня буквально воспарить ввысь. Настоящая металлическая лава окутала все пространство туннеля.

Яркий свет Ржавого города ослепил. Зажмурившись, я наощупь нашел руку механикуса и помог ему выбраться из смертельной дыры. Оказавшись на свободе, он еще раз выстрелил в самого прыткого преследователя, голова которого уже показалась снаружи люка.

Дальше я не видел ничего и никого – только раскаленное солнце, вросшие в землю покореженные каркасы – и слышал монотонный вой сирен, пронзивший меня насквозь. Стараюсь не задохнуться, я прерывисто дышал, не обращая внимания на то, как быстро несут меня вперед собственные ноги. Я отчетливо осознавал, что нас окружают со всех сторон, но все же надеялся на слепую удачу.

Не знающие усталости и не ведающие боли стражи опережали нас на шаг, точно зная, в каком месте и в какое время мы должны появиться на границе Рифта. И я бы не удивился, если бы мне сказали, что эти машинерии способны рассчитать нашу усталость и, поделив ее на безумное желание жить, а затем приплюсовав к ней оставшиеся два патрона, подвести неутешительный итог: шансы беглецов в данном уравнении равняются нулю. Но, как любили говорить в таких случаях умудренные опытом мастера, – исключение всегда возникает в любой идеальной закономерности.

Выскочив на квадратную площадку, окруженную высокой стеной обгоревших крылопланов, я узрел слева узкий, едва различимый проход. Своеобразная распахнутая дверь, ведущая на свободу! Но не успел я обрадоваться, как из памяти стали выползать черные разломы, охраняющие периметр вокруг города.

– Туда! Скорее! – гном указал на спасительную прореху.

Мне захотелось возразить, но в нашем безвыходном положении просто не было выбора.

Манипуляторы подобрались уже близко.

Прозвучал выстрел, один из стражей прямо на бегу повалился на бок и, кувырнувшись через голову, поднял целый столп пыли. Последний патрон ушел в молоко.

Теперь гном действовал более решительно. Нанеся рукояткой дивольвера ряд мощных ударов, он сумел остановить еще несколько стражей. Еще одного он откинул ногой, а двух уложил на месте стальным имплантатом.

Желание вступить в схватку переполняло меня с головой, но оцепенение оказалось сильнее. Я видел, как один из манипуляторов порезал плечо механикуса, как еще двое пытаются вспороть его брюхо, и мне стало жутко от одной мысли, что, расправившись с гномом, они примутся за меня. Потому что задача, записанная на вмонтированной в их жестяные головы медной пластине, должна быть выполнена и не может возникнуть никаких препятствий для ее осуществления.

Металл звякнул о металл, и стальная рука моего наставника повисла плетью. Удачный удар манипулятора достиг цели. Попытившись, гном едва не потерял равновесие. В отличие от бездушных машин, он знал, что такое усталость, и с трудом находил в себе силы сопротивляться необузданной силе.

Я ошутил под кожей ледяной ужас. Невероятное чувство: в жаркий день меня колотила нервная дрожь, а гнев и обреченность заставляли сердце замереть в ожидании неминуемой расправы.

Очередной удар вынудил гнома сдаться.

Упав навзничь, мой наставник быстро перевернулся через плечо и попытался подняться, но настоящий град ударов настиг его в самый неподходящий момент. А я просто бездействовал, скованный оцепенением.

И тут я не сдержался. Не мог больше стоять в стороне и наблюдать, как механикуса забьют до смерти. Схватив первое, что попало мне под руку – длинный остроконечный штырь, – я с яростным криком ринулся вперед.

И в стенах приюта, и за его пределами мне частенько приходилось защищать себя, стесывая кулаки в кровь. Но рисковать собственной жизнью – никогда. Однако ощущения опасности, как выяснилось, были почти идентичны. Пронзив стоявшего спиной манипулятора, я оттолкнул соседнего стража рукой. Гном тем временем продолжал лежать на спине и не шевелился. Его лицо было исполосовано мелкими порезами, на скуле виднелись темные кровоподтеки.

В проеме появилось еще трое манипуляторов. Войдя во вкус, я легко расправился и с ними. Удар наотмашь сокрушил еще пару жестяных голов. Но радоваться было рано. Получив передышку всего на пару секунд, я понял, что не справлюсь с очередной подоспевшей дюжиной противников.

Понудобней перехватив разодранными в кровь руками свое скромное оружие, я глубоко вздохнул и приготовился к дальнейшему сражению, когда грохот пулеметов оглушил меня, едва не сбив с ног.

Пыльная дорожка выстрелов потянулась в сторону наступающих машин и в один миг разбросала их, словно пустые крышки, в которые запустили кожаным мячом для игры в пурт¹⁰.

Мощные полудюймовые пули прошивали насквозь металлические тела стражей, заставляя тех корчиться от электрических разрядов. Эта смертельная пляска продолжалась не больше минуты, но для меня время, замерев на месте, превратилось в череду живых картинок. Раз – трое манипуляторов, подлетев вверх, неуклюже перевернулись в воздухе и разлетелись в стороны. Два – тонкие ножки сразу четырех стражей переломились, охолодив их чрезмерную прыть. Три – последняя пара нападавших получила свою порцию свинца. Их тела разметало в клочья, словно те были напичканы пороховыми капсулами.

Опустив голову, я уронил на землю стальной прут и обессиленно упал на колени. Рядом со мной ворочался Белый хвост, а над нами завис крылоплан Тисы, умудрившейся в последнюю минуту спасти нам жизнь.

¹⁰ Пурт – игра, распространенная на Мраморных островах, аналог боулз – по правилам, главная цель – подкатить асимметричные шары как можно ближе к небольшому белому шару, который называется «Джек» или «Китти».

Глава 6

Ловушки неведомого охотника

Наше путешествие в Ржавый город так и осталось для большинства жителей ангара тайной. Ни Бирт, ни Дик не разговаривали со мной, с обиженным видом косясь на нового любимчика механикуса. Но в отличие от вспыльчивого помощника, гоблин не выражал свою злобу открыто, а придиричливо следил за каждым моим шагом, выжидая моей ошибки. Уж тогда-то он вдоволь сможет потанцевать на моих костях и никакое заступничество механикуса мне не поможет.

Но пока я такого повода не давал и мог жить спокойно, под неусыпным оком зеленокожего соглядатая.

Через несколько дней после путешествия на Рифт Дик, переборов себя, холодно поинтересовался:

– Что, славная выдалась прогулка?

Желая не бередить неприятные воспоминания, я отрицательно покачал головой.

– Считаешь меня недостойным даже разговора? – еще больше обиделся светловолосый и, недовольно скривившись, добавил: – Ну конечно, ты же теперь у нас настоящий лиходей! Не чета нам, обычным масляным крысам!

– Можем махнуть местами, – не обращая внимания на его выпады, я посильнее затянул болты и принялся проверять винтовые стяжки.

– Прямо благородный фэр, не иначе.

– Какой есть.

Дик почесал затылок и продолжил засыпать вопросами:

– Не пойму, чего Хвост с тобой носитися? Был бы действительно хороший мастер, а то ведь так, принеси-подай, даже смотреть противно.

– Так не смотри, – огрызнулся я. – Чего я, в цирке выступаю, чтобы на меня пялиться?

– Да я бы с удовольствием, так ведь чего ж теперь, глаза себе выколоть? – хмыкнул собеседник.

– А любимчиков не за умение выбирают!

За моей спиной возник гоблин. Подслушав наш разговор, он не преминул внести свою лепту и подковырнуть.

– Не вы меня сюда приглашали и не вам меня выгонять! – тягаться в красноречие с двумя противниками я не собирался, поэтому, резко поднявшись, устремился к комнатухе механикуса.

– Правильно, беги к своему покровителю! Пожалуйся на нас! На злых помощников, которые делают за тебя всю работу, – услышал я в спину голоса.

Стиснув зубы, я молча проглотил накатившуюся обиду, не вдаваясь в причину столь рьяных нападок.

Но не прошло и пяти минут, как огонь истины стал жечь меня изнутри.

Дорогу я им не переходил, работу выполнял исправно...

Тогда в чем же дело?

Неужели один полет с Ти и Белым Хвостом окончательно настроил их против меня?!

Дика – может быть, а вот Бирта – навряд ли. Этот зеленокожий с первых дней невзлюбил меня. И теперь при каждой новой встрече пытался больней уколоть словом или подстроить иную пакость.

Я вспомнил, как гoblin смотрел на меня, когда я корчился от боли после сокрушительных ударов соседей-контрабандистов. В тот миг ненависть кипела в нем не хуже, чем в котле с травяным супом. Он готов был испепелить меня взглядом, а для верности лично вцепиться в горло, раздаввшись со мной раз и навсегда.

Но почему?!

Ответа у меня не нашлось.

Подойдя к двери, я остановился, так и не осмелившись побеспокоить механикуса. После нашего полета на Рифт гном практически не разговаривал со мной. Отстранившись от окружающего мира, он стал таким же нелюдимым, как мой бывший учитель в период вдохновенного поиска Эверики. Лишь Тиса изредка навещала гнома, и они долго о чем-то разговаривали. И зачастую подобные беседы заканчивались криками. Вот и сейчас я невольно заметил, сквозь щель приоткрытой двери, как летунья замерла напротив лежака Белого Хвоста.

Очередная напряженная беседа достигла своей кульминации.

Я уже собирался отложить свой визит к механикусу, но долетевшие до меня слова заставили задержаться.

– Ты использовала наш предпоследний траунс! Зачем? Я же сказал тебе встречать нас у Покинутого вокзала! – произнес гном.

– Да? И как ты думаешь, кого бы я дождалась к вечеру? Две обугленные тушки?! – возмутилась Ти. – Когда я добралась до вас, вы едва держались! Еще бы десять минут – и вас бы разорвали в клочья. Или, еще хуже, сигнал бы достиг рубежников. Или скажешь, у вас были шансы?

– Были! И неплохие! – рявкнул гном.

– Очень интересно узнать – какие? – не унималась собеседница. – Притвориться мертвыми, дождаться сумерек, а потом отбиться от тенеподобных и наугад миновать защитный пояс. Таков был план?

– Один из вариантов, – устало буркнул механикус и затем более спокойно продолжил: – Еще пара визитов в хранилище, и мы добудем все резервуары, и уже никто не сможет нас остановить. Ни рубежники, ни какие-то там жалкие манипуляторы. Именно поэтому я хотел оставить заклинания невидимости про запас. А ты истратила еще один!

Ти скрестила руки на груди:

– Еще раз повторю тебе: если бы я не воспользовалась траунсом – ты бы не выжил! И долгие годы подготовки полетели бы в тартарары. Ты этого хотел?

– Нет, – буркнул гном.

– Тогда не вини меня, а лучше подумай, как нам не попасться до того, как дело будет окончено, – вразумительно напомнила Ти. – После устроенного тобой и твоим горе-помощником переполоха блюстители наверняка будут нас искать.

– С этим я как-нибудь разберусь, – уверил ее механикус.

– Я рада. Потому что я не хотела бы отказываться от наших смелых планов. Новый крылоплан должен быть закончен до начала сезона гонок. И, кстати, поведай мне: зачем ты взял с собой этого юнца? К чему тебе понадобилась эдакая обуза?

Я услышал, как гном кашлянул, недовольно закричал, а потом уклончиво произнес:

– Придет время, и ты сама все поймешь. А пока представь, что мы с тобой получили в свои ряды некий громоотвод, способный охранить нас от праведного гнева Верхушки.

Остановившись на полушаге, я нечаянно задел дверь плечом и попятился назад.

Так вот, значит, какая незавидная роль отводилась мне в команде механикуса! И вот почему на меня приблизил к себе Белый Хвост!

Мне захотелось ворваться внутрь и высказать двоим заговорщикам все в лицо. Но в последнюю секунду я испугался.

– Кто еще там?! – взревел гном. Ти мгновенно оказалась возле двери. Осторожно выглянула наружу, посмотрела по сторонам. Ее взгляд привлек Дик и копающийся рядом с ним зеленокожий, а меня, спрятавшегося за ящиками с емкостями для хранилища пара, она так и не заметила. Вовремя успев скрыться за отменной преградой, я почти слился с полумраком, затаив дыхание.

Тиса еще пару секунд прислушивалась к посторонним звукам, пытаясь угадать, куда мог скрыться призрачный соглядатай. На мое счастье, в этот самый момент у запасного входа возникла фигура рыжего кота, который, запрыгнув на стойку с инструментами, одарил летунью сонным взглядом.

– Кто это был? – вкрадчиво произнес гном.

– Думаю, что хвостатый, – ответила та.

Я закрыл глаза и облегченно выдохнул. В последние дни мне несказанно везло. По всей видимости, Фортуната, накинув на мои плечи вуаль неприятностей, все же не забыла даровать своему отроку шанс на спасение.

* * *

Если кто-то скажет мне, что ярость можно контролировать, то я соглашусь с ним лишь наполовину. Это утверждение применительно только к праведному гневу. Усмирить его возможно. А вот откровенная ненависть, которая подпитывается ежедневными внутренними терзаниями, требует только одного – эмоционального выплеска.

Наблюдая за нашими соседями по ангару, я уже давно определил тех самых сквотов, которые, воспользовавшись моим замешательством и пыльной завесой, решили напугать меня, надавав изрядных тумачков.

Тот, что повыше и шире в плечах, сейчас занимался привычным для себя делом: покрывал на худых, измученных носильщиков и подгонял ленивых пилотов. Его собрат, в отличие от него, появлялся в ангаре нечасто, а когда оказывался на площадке, то незамедлительно исчезал в глубине узкого коридора, ведущего на второй этаж, где располагались кабинеты. Как мне казалось, там он выполнял какую-то очень важную и кропотливую работу, не требующую постороннего вмешательства. Так что застать моих обидчиков вместе было весьма сложно. Но сегодня удача улыбнулась мне. Молнии Тары! Северяне с окраины Лиджеты – судя по их острым ушам и выступающим лбам, они были именно из тех мест – сами шли ко мне в руки.

План мести достиг начальной точки. Повторив любимый ритуал виртуоза Босвела, я мысленно досчитал до семи и, хлопнув в ладоши, приступил к задуманному.

Окунув голову в бочку с холодной водой, я вынырнул, почувствовав, как все тело пронзили тысячи иголок.

Первый обидчик подошел к соседней самодельной мойке. Я погрузился еще раз. Второй сквот подошел к первому. Они покосились на меня и, оскалившись, показали острые зубы, напоминавшие волчьи клыки. О чем-то перекинулись парой слов на своем рычащем наречии, и их лица озарились ехидными улыбками.

Мой взгляд случайно скользнул по северянам. Они расположились весьма удачно: один, нагнувшись, стал зябко ежиться, не решаясь прикоснуться к ледяной воде. Второй тем временем опять затараторил на не знакомом мне языке, видимо, подшучивая над нерешительностью товарища. На плечах говорившего висела чистая рубаха, змеей оплетающая шею.

Ждать больше не имело смысла. Лучшего шанса Фортуната мне больше не предоставит.

Первый недовольно фыркнул и опустил голову в бочку. Я в мгновение ока оказался рядом со вторым и, перехватив края рубахи, ударил его коленом в живот. Не ожидая такого поворота событий, обидчик согнулся пополам и сразу же ощутил жуткую нехватку воздуха. Я с силой натянул рукава самодельной удавки.

Конечно, я не собирался лишать жизни своего обидчика. Лиходеи – не душегубы! Понапрасну изводить не станут. Всего лишь проучат – и только.

Пока первый не сообразил, что происходит, я успел хорошенько отделать его приятеля, которому хватило всего пары добротных ударов. Обессиленно повалившись на каменный пол ангара, второй охнул и затих.

Пришло время первого северянина. Вынырнув из бочки, он явно опешил. Уставившись на меня, словно видел перед собой не измазанного в машинном масле юнца, а грозного монстра с огромной пастью и острыми когтями, сквот даже не шелохнулся.

Не собираясь играть с судьбой в кости, я нанес упреждающий удар. На удивление, мой обидчик устоял на ногах и даже попытался сопротивляться, стараясь уйти от следующей атаки. Присев, он выставил блок, отклонился в сторону, но его движения уже потеряли привычную легкость. Мне не составило труда разгадать этот нехитрый маневр и оглушить северянина кулаком. Попад под настоящий град моей ненависти, он закрыл лицо руками и осел, измученно постанывая.

Повернувшись, я спокойным шагом направился в левую часть ангара. Удавшаяся месть придала мне силы. И хотя я сожалел, что не смог противостоять противникам в честном бою, трезвый рассудок вывел безукоризненную формулу успеха – поступи я иначе, итог вряд ли оказался бы таким же успешным. Ведь по рассказам старого вояки мистера Бродвика, частенько травившего байки в «Счастливой подкове», – северяне хорошо владели кулаками и в рукопашном бою уступали лишь здоровякам оркам, которые брали скорее своей мощью, нежели умением.

Присев возле крылоплана, я спокойно наблюдал за тем, как жертвы моей ненависти приходят в себя и ползут ко второй взлетной полосе.

– Отчаянный поступок.

Я повернулся и наткнулся на желчную улыбку гоблина.

– Не люблю оставаться в должниках, – достаточно холодно отреагировал я.

Бирт скривился, хрюкнул, вынудив меня еще больше возненавидеть его животные повадки.

– В твоём случае это называется немного иначе. Скажем так: ты не вернул, а взял займы.

– То есть? – я изобразил удивление.

– Они и без твоей выходки собирались пустить тебе кишки. А теперь ты только ускорил закономерный итог. Контрабандисты не терпят подобных шуток, тем более от таких сопляков, как ты. Так что единственный положительный момент в этой истории: сейчас они не станут тебя мучить, а просто отправят к Икару, и дело с концом.

Меня прошиб ледяной пот. Об ответном шаге со стороны северян я, честно признаться, даже не думал. Тем более о таком жестоком ответе.

В приюте мы часто доказывали правоту кулаками, но чтобы лишать жизни... Помоему, это слишком!

Пристально изучив лишенную всяких эмоций морду Бирта, я понял одно – гoblin не шутит. Он говорил абсолютно серьезно. Именно поэтому его злорадству не было предела.

– Откуда такая уверенность? – стараясь скрыть нарастающее волнение, поинтересовался я.

– Из личного опыта. Смотри, – гoblin расстегнул несколько верхних пуговиц рубахи и показал мне грубый шрам возле левой ключицы.

– Тоже решил кому-то отомстить? – предположил я.

Но Бирт криво усмехнулся и отрицательно качнул головой:

– Вовсе нет. Такую глупость, как ты, я делать не стал. Просто неудачно плюнул. Угодил на ботинок вон тому, – он указал на здоровяка, того, что был выше и плечистее. – Его зовут Ван Кьен. Он лидер этой группы. Раньше промышлял убийствами на воздушном пути к западному острову Ри-ирт. Пока не нарвался на Совиных. Те подбили его крылоплан, но он выжил. Его взяли в плен, но он сбежал. А потом... – Бирт сделал внушительную паузу и медленно закончил: – ...вернулся и расправился с лагерем Диких. Говорят, их было больше трех дюжин. Но он вырезал их всех. А когда затупился его нож, он рвал им глотки, пока селение не затопили кровавые ручьи.

Скорее всего, история была выдуманной, но произвела на меня неизгладимое впечатление. Добившись желаемого – выбив меня из колеи, Бирт поставил жирную точку в нашем разговоре. Прижав большой палец к шее, он медленно провел кривым грязным ногтем слева направо, а затем, свесив язык набок, добавил красноречивости своему жесту.

– Даже не знаю, прощаться с тобой или уже не стоит? – довольно поскрипев зубами, гоблин подмигнул мне и отправился в свою коморку.

Я измученно посмотрел ему вслед. Нет, надежды на спасение у меня не было. Я сам подписал себе смертный приговор.

Гнев.

Ярость.

Кишки наружу.

Теперь я ненавидел жизненные ориентиры лиходеев. К чему они могли привести меня? Только к праведной развязке.

Контрабандисты не терпят подобного отношения!

На соседней полосе было безлюдно. Крылоплан отправился в путь, а северяне зализывали раны и, видимо, уже обсуждали, каким именно способом лишат меня жизни. Или сначала заставят ползать на коленях и молить о прощении?! Меня передернуло и стало трясти.

Примерно к полуночи, когда я, погрузившись в сон, окунулся в настоящий кошмар, меня словно окатили холодной водой. Не понимая, где я нахожусь и что со мной происходит, я долго озирался по сторонам, ловя испуганным взглядом призрачные тени, которые медленно кружились под потолком, насмехаясь над моей беспомощностью. Мне померещилось, что кровожадные северяне, пробравшись в мою клетушку, готовились пустить мне кровь безо всяких объяснений.

Пламя свечи дернулось, и тени, задрожав от страха, вытянулись вдоль стены. Приглядевшись к чернильным углам, закрытой двери и двум огромным платяным шкафам, где хранились запасные части крылоплана, я понял, что мои опасения не подтвердились. Я был здесь абсолютно один. Однако это не облегчало моего неутешительного положения. Находиться в стенах ангара я больше не мог.

Спустившись по лестнице, я немного помедлил, огляделся.

Ангар был пустым – лишь два крылоплана на третьей и первой площадке утопали в лунном свете, делившем пространство на равные прямоугольные части, создавая впечатление двойного дна. А стеклянная крыша создавала удивительный эффект отражения.

Сделав несколько шагов, я, словно нашкодивший школяр, пригнулся и замер, боясь потревожить чей-нибудь сон. Кабинки, комнаты и коморки, хранившие в себе лишь темноту, не отреагировали на мое движение.

Оказавшись в самом центре ангара, я вновь застыл, не решаясь сделать следующий шаг. И дело тут было вот в чем. Меня насторожила тишина. Усыпляющая, безмятежная тишина, которая, словно паутина, оплела огромное пространство, погрузив его в серую пелену забвения. Шумный и беспокойный днем, ангар ночью превратился в забытую всеми

пустошь, где не было и быть не могло посторонних звуков. А еще существовало в этом безмолвии что-то угнетающее. Не привычное спокойствие ночи, а вкрадчивость предстоящего хаоса, способного разрушить на своем пути все живое. Как затишье перед бурей.

Возможно, мое предчувствие являлось обманом, но я не на шутку заволновался. Все вокруг словно вымерло, оставив лишь зачехленные крылопланы и ровные ряды ящиков, бочек и прочих грузов.

Дальше я не раздумывал. Не обращая внимания на свои ощущения и нарастающую тревогу, я пулей выскочил на улицу.

В лицо ударил свежий, морозный воздух. Вырвавшись из невидимой ловушки, я поймал себя на странной и в то же время вполне очевидной мысли: за долгий месяц пребывания в ангаре у меня ни разу не возникло желания выбраться в город и добрести до площади Буравеля.

Чужой отсек встретил меня враждебным унынием мощных камнем улиц и клубами черного дыма, валившего из встроенных в стены труб.

– Грузи! Давай!

– Пройдешь!

– Резче! Че развалился?!

– Не дрейфь! Закинь тебя в небеса Икар!

Тяжесть разношерстных криков навалилась на меня со всех сторон, вызвав в ушах оглушающий звон.

Я повернул голову и увидел ровные ряды жестяных бочек, в которых полыхало пламя. Чуть ниже тянулись лесенки, ведущие к крохотной, не больше пяти ярдов, речушке. Я сумел разглядеть несколько груженных лодок и стоящих поодаль мужчин. Одежда у них практически не различалась: широкополые шляпы, высокие ботфорты, заправленные в плотные штаны, и короткие кожаные куртки. Лишь одна деталь бросалась в глаза, отделяя их от бесчисленной армии разнорабочих – трость, служившая им вспомогательной указкой. Масивная, с металлическими вставками, она то и дело взмывала вверх, указывая направление рулевым. Лодки со скрипом трогались с места и исчезали в полумраке многочисленных каменных мостов.

Рассмотреть что-то еще в ночной дымке было просто невозможно. Плотные клубы дыма, смешавшись с густым сумраком, стирали большую часть бесконечной улицы.

– Следующий! – прокричал стоящий у противоположного берега незнакомец, и тяжелая работа закипела с новой силой.

Я подошел к огню и вытянул заочевенные руки. Летние ночи в первую декаду последнего месяца становились настоящей напастью. Изнуряющая вечерняя жара всего за пару часов обращалась настоящим морозным испытанием.

Рядом со мной тут же возник невысокий мрачный тип с огромным горбом. Кутаясь в грязные ошметки одежды, которые назвать по-другому просто не повернулся бы язык, он шмыгнул носом и придирчиво осмотрел меня с ног до головы, а затем недовольно изрек:

– Чего приперся? Это мое топливо. Я тут греюсь! Понял – нет?!

– Простите, я не хотел. – Я осторожно ретировался и, спустившись вниз к речке, попытался угадать, в каком из отсеков нахожусь. Но чем дальше я удалялся, тем сильнее терялся в немыслимых предположениях.

Прожив в стенах города больше трех лет, я уже думал, что здесь не осталось такого места, где бы я не побывал. Трудно поверить, но и тут я ошибался. Здешние места мне были абсолютно незнакомы. Я словно попал в другой город, да что там город – остров. В одну секунду перенесся на южный край в самую дальнюю точку, известную людям: Храм-он-Си. Наверное, именно так должно было выглядеть это место. Совершенная противоположность привычного мира. Дома громоздкие, из темных высокогорных камней. Нищие, кото-

рые, будто призрачные тени, бродят по улицам в поисках потерянной жизни. Чадающие трубы, вырастающие прямо из земли. Горы бесполезного мусора. Ничего похожего на те спокойные, милые места, где я проходил обучение механическому делу.

Куда все подевалось?

Пышные парки с приветливыми господами, блестящие машинерии, выпускающие лишь белые клубы дыма, порядок и гармония. Ничего этого здесь не существовало и в помине.

Опустившись на одно колено, я зачерпнул густую, липкую воду. Принюхался. В нос ударил резкий запах нечистот и машинного масла, словно вместо воды здесь разлили техническую жидкость.

Великий Икар! Где же я очутился?!

Удар кованых каблуков о брусчатку мгновенно привел меня в чувство. Обернувшись, я с легкостью насчитал больше двадцати мрачных блюстителей. Мощные, плечистые фигуры в длинных темно-синих плащах, высоких шляпах и масках с золотыми символами власти, держащие в руках мощные парализующие динтовки.

Напрягшись, я испуганно пригнулся, со страхом наблюдая за опасной процессией. Такое количество стражников я в своей жизни никогда не видел. Остановившись возле неприметных, ржавых ворот, из которых не так давно вышел ваш рассказчик, они притихли.

Проглотив вставший в горле ком, я машинально переместился за каменный спуск, спрятавшись в полумраке моста.

Тем временем улицы опустели. Ни одной живой души. Словно все вокруг вымерло.

В тишине, нарушаемой лишь потрескиванием огня и отдаленными криками, раздались щелчки затворов. Блюстителю обменялись знаками, и начался штурм.

Что-то очень ярко вспыхнуло, раздался оглушающий взрыв, и темная масса вооруженных слуг закона проникла внутрь ангара.

Наступила тишина. Мне казалось, что я вижу случайные движения, слышу крики, но на самом деле это был всего лишь мой страх, заставлявший меня воображать происходившее внутри.

Ожидание превратилось в вечность. Раскученные ворота, едва держась на одной петле, поскрипывали на ветру, подгоняя замершее время. Вдруг в темноте ангара возник осторожный огонек, а следом за ним возник блюститель с газовым факелом в руке.

– Пошел. Не оборачивайся, – раздался из глубины низкий голос.

Первым показался Дик, за ним следом двое помощников, обслуживающих взлетные полосы, и Бирт. Только, в отличие от остальных пленников, гоблин выглядел не таким напуганным. Не сводя глаз с окованной цепями процессии, я попытался подобраться ближе. Мелкими перебежками мне удалось оказаться практически на расстоянии вытянутой руки.

Замедлив шаг, Бирт повернул голову. Янтарные глаза блеснули, в уголках возникли веселые морщинки.

Он все знал заранее. Знал, что блюстителю устроят ночной рейд. Или мне это почудилось?

Горящие бледно-голубым светом цепи и кандалы дернулись и натянулись. Я покосился в конец группы. Ее замыкали северяне. Тот, что помладше, заметил меня и, одарив хищным взглядом, стал что-то шептать себе под нос.

Скрывшись за преградой, я ощутил мелкую дрожь. Они считают предателем меня. Единственного, кто не присутствовал во время захвата! И кто до сих пор находится на свободе!

Небо вместе с молниями Тары и Икаром обрушились разом. Я вздрогнул и буквально услышал бешеный ритм собственного сердца. А следом наступило опустошение. Меня словно вывернули наизнанку, как старый, никому не нужный сюртук. Лишили опоры под

ногами. И стоило ли радоваться тому удивительному везению, что мне удалось избежать цепких лап правосудия? Я не знал. Оставаться для всех предателем – но на свободе, или оказаться в каменном мешке – в обмен на призрачное чувство единого целого. Хотя кого я обманываю? Никто из них не был мне семьей. Разве что механикус. Но и тот преследовал свои цели, пытался...

Сжав губы, я решил оставить подобные рассуждения на потом и вновь прильнул взглядом к цепочке пленных. Ни Белого Хвоста, ни Тисы среди них не было.

– А это еще кто тут у нас? – внезапно донеслось сверху.

Меня обнаружили. Мысль пронеслась столь стремительно, что не оставила другого выбора – рванув с места, я быстро достиг соседнего моста. Но спасительный занавес темноты внезапно растворился в свете ярких огней. Блюстители были уже рядом. Всего двое – чтобы поймать неопытного лиходея, вполне достаточно.

Но сдаваться я не собирался.

Не сбавляя темпа, я быстро поднялся по ступенькам и побежал вдоль промышленных цехов, надеясь затеряться среди дымовой завесы и складских настилов.

Блюстители не отставали. Их тяжелые шаги отзывались глухим эхом, похожим на удары молота, который вот-вот должен настичь меня, пригвоздив к наковальне правосудия.

Каменные близнецы, лестницы, арки, тупики, подъемы и спуски – преследование давило на плечи, высасывая из меня последние силы.

Борясь с усталостью, я попытался свернуть в проулок между корпусами, но сужающаяся дорожка вынудила меня передумать. Загнать самого себя в ловушку! – это в мои планы не входило.

Неожиданно за спиной раздался протяжный вой.

Решив со мной не церемониться, блюстители использовали оружие.

В паре ярдов от меня вспыхнуло, и ослепляющий разряд молнии пронзил стену. Каменная крошка ударила в лицо, но я вовремя заслонился рукавом. Страх придал мне силы, открыв второе дыхание. Ускорив бег, я оторвался на достаточное расстояние, чтобы не бояться парализующего попадания, которое действовало всего на двадцать шагов. О возможностях современного оружия мне как-то поведал мистер Босвел, когда один из инчей закончился полным провалом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.